

ДМИТРИЙ СЕРГИЕНКО

БАР

Дмитрий Сергиенко

Бар

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сергиенко Д. И.

Бар / Д. И. Сергиенко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Привычный ритм жизни энолога по имени Артур рушится: он узнает о смерти своей матери. Но в тот же момент ему открывается невероятная тайна — бар в маленьком южном городке может подарить ему прощальную встречу с дорогим человеком. Посетив это загадочное заведение и познакомившись с его обитателями, Артур начинает осознавать, что бар, как платяной шкаф в «Хрониках Нарнии», хранит в себе гораздо больше тайн, чем кажется на первый взгляд. А плата за уникальную возможность может быть несоизмеримо высока. Содержит нецензурную брань.

© Сергиенко Д. И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Бар

Пролог

– Послушай, не стоит бежать впереди своих мыслей, это может быть опасно, особенно в этом месте. Что непонятного? – бармен, протирая тарелки, спокойным размеренным тоном продолжал выкладывать умозаключения, обращаясь к человеку за стойкой. – Я не всегда смогу помочь, ты должен это понимать. А ошибки, которые ты сделаешь в баре и за его пределами – очень сильно отличаются друг от друга, кому как не тебе об этом знать. Мне не хочется продолжать читать тебе лекции по здравому смыслу, мы уже говорили об этих вещах сотни раз. – Он расставил чистую посуду под столешницей беззвучно и аккуратно.

Всегда было интересно посмотреть за барную стойку. Казалось, там скрыт мир, который не дано увидеть посетителю. Там бездонная яма, черная дыра, которая дарит тебе все что пожелаешь. Ты заказываешь коктейль и из-за перегородки, как по волшебству, начинают появляться всевозможные ингредиенты. Мусор и отходы пропадают там же, как в шляпе фокусника. Ника всегда удивляла эта картина, и он, как за театральным представлением, наблюдал за ее развитием – что же дальше исчезнет, а затем возникнет в руках бармена, руководящего этим кукольным спектаклем.

– Эй! Не хочешь ничего ответить? Может хоть кивнешь? Выпил бутылку пива, а в глазах десять рюмок водки, – бармен сделал шаг назад и положил ладони на пояс. Это была его защитная реакция на случай, если над его остротой не засмеются. Никита это знал и через мгновение улыбнулся:

– Извини, я просто расстроен. Совсем не ожидал такого поворота. Я слишком привык держать все под контролем, а то, что произошло сегодня, знаешь... Больше такого не повторится, – его сумбурная речь немного оживила обстановку, но он тут же замолчал.

За окном была непроглядная ночная тьма. Изредка ее разрезал свет фар пролетающих автомобилей. Тишину на улице не нарушал ни ветер, ни пробегающие дворняги, ни пьяные прохожие (возможно, лишь их тени).

Внутри бара сегодня было безлюдно. Большинство стульев были перевернуты и составлены на столы. Один из них бесполезно валялся на полу. На его днище были аккуратно наклеены комочки жевательной резинки. Под тусклым освещением заведения, можно было принять их за какие-нибудь бородавки. Старый музыкальный центр еле слышно исполнял хаотичные хиты каких-то американских джазменов, вроде Телониуса Монка¹. Бармен устало облокотился на стойку и терпеливо стал ждать от своего собеседника сигнал, когда можно снова завести разговор. Ник моргнул. Бармен воспринял этот жест как знак:

– Иди проспись. Я не хочу всю ночь любоваться на твои страдания.

– Да, ты прав. Завтра должно быть полегче.

– Мой отец обычно говорил: «Новый день – новые проблемы». Но еще он говорил, что без контраста этих проблем, ты бы никогда не почувствовал счастливые моменты, которые тоже неизбежно случаются.

– Кем был твой отец?

– Зачем ты постоянно задаешь этот вопрос? Ты же понимаешь, что никогда не узнаешь действительно правдивого ответа.

¹ Телониус Сфир Монк ([англ. Thelonious Sphere Monk](#), 1917—1982) – джазовый пианист и композитор, наиболее известен как один из родоначальников [бибопа](#). В своём творчестве придерживался оригинального стиля, был авангардистом и примитивистом. Его манера игры была не совсем характерна для джаза: музыка была «рваной», изобиловала большим количеством скачков.

– Каждый твой ответ на этот и другие вопросы – правдивы. Сегодня, мне как никогда хочется его услышать.

– Мой отец был человеком, который делал все, чтобы его сын не стал барменом. Он всегда был полон энергии и новых идей. Я на него не похож. Но я рад, что сегодня помню его, точнее, именно этот его образ. За это тебе спасибо.

Ник допил остатки пива в бутылке и взялся было открывать вторую, но не стал:

– Прекрасная ночь, допью по пути.

– Сегодня выйдешь через парадную? – удивился он.

– Да, но все бывает в первый раз, – взгляд Ника устремился в пустоту. Глубокая ночь утягивала сознание в заросли мыслей и размышлений.

Человек за барной стойкой поджал губы и, сделав шаг в сторону посетителя, сказал:

– Она придет, Никита. Главное не теряй головы раньше времени.

– Хорошо, если так. Спасибо за вечер.

Никита встал с высокого стула, ослабил ремень на брюках, не глядя взял с бара свою бутылку «Хайнекен» и, расплатившись, побрел к дверям выхода. Он дотянулся до ручки, провернул ее против часовой и застыл.

– Завтра я все исправлю, – прошептал он и распахнул дверь.

На улице дул теплый ветер. От темноты закладывало уши и казалось, что этот мир еще не знает, что такое солнечный свет. Звук открывшегося пива и первый глоток сразу расставили все по местам. Ник двинулся в сторону мерцающего за углом фонаря и, сделав пару шагов, обернулся в сторону бара. Над дверью входа красовалась блеклая вывеска «Тоскливый вечер». Сквозь непроглядную тьму на лице Ника можно было разглядеть легкую улыбку. Через несколько секунд этот человек исчез за углом...

1

За стеной грохнул выстрел. И, судя по смачным отзвукам, чья-то голова разлетелась на куски арбузными хлопьями. Я рванул из кухни в соседнюю комнату, чуть не влетев в стоящий у прохода шкаф. Мой топот сопровождался тихим ворчанием:

– Нет, нет, нет... – я вбежал в просторную гостиную, слегка проскальзывая по паркету. На мне были теплые носки из собачьей шерсти, домашние штаны и толстовка. В одной руке у меня была деревянная лопатка с кусочками жареных яиц, в другой – телефонная трубка, прижатая к уху. На лице оставалось место лишь для разочарования – я смотрел в телевизор, где Джон Траволта и Сэмюэль Джексон спорили о том, что делать с трупом на заднем сидении.

– Я поверить не могу, – мой голос звучал безжизненно, – я опять пропустил этот момент.

Из телефонного динамика прорезался женский голос:

– Черт, я думала, этот выстрел был настоящим, и твоему завтраку придется дожаривать себя самому! Ты меня до смерти напугал! Немедленно выключи телек!

Просьба в приказном тоне сработала безотказно, и в комнате воцарилась тишина.

Моя сестра всегда умела пользоваться своим характером по назначению. Во времена, когда наша семья была полноценной, она часто была за главную. Отец не умел правильно себя ставить. Честно говоря, он никогда и не пытался этого сделать. Все, что он нам дал, это любовь к хорошей музыке и возможность жить так, как мы считаем нужным. Мать прекрасно подходила отцу, хоть и была не слишком на него похожа. Но вот что печально – на нас она походила еще меньше. Перенимать жизненный опыт от наших родителей мы с сестрой прекратили в раннем возрасте. И старались воспитывать друг друга так, как нам казалось будет лучше и правильнее. Из нас двоих я больше походил на отца, поэтому Лиза взяла себе роль волевой и жесткой «главы семейства».

Я продолжал бубнить в телефон:

– В сотый раз пропускаю эту сцену, просто невероятно! Долбаный завтрак! – я пытался донести до Лизы свое разочарование в полной мере, но она не слушала моих причитаний.

– Раз уж тебя все-таки не застрелили, будь добр, не спали квартиру и снимми, уже наверняка горящую, сковородку с плиты, – ее тембр довольно нелепо звучал в китайском динамике телефона, но это никак не сказалось на скорости, с которой я отреагировал и, вновь проскальзывая по паркету, побежал на кухню. Комната и вправду уже начала пропитываться дымом от горелой яичницы. Я бросил лопатку в раковину (отметив, что в раковину не полетел телефон) и быстро схватил обжигающе горячую ручку сковороды, переместив ее под ледяную воду. Шипение прекратилось, а белый дым жадно поглощала приоткрытая форточка. Выдохнув, с чуть наигранным облегчением, и упершись плечом в холодильник, я продолжил разговор:

– Я даже не знаю, радоваться мне твоему звонку или нет, утро определенно пошло не по сценарию, – я пытался говорить с иронией, и Лиза это понимала.

– Радоваться точно не придется, Артур, – она будто споткнулась, – мама умерла.

Я не сразу сопоставил все слова, произнесенные ею, в законченную мысль, но через секунду в голове все улеглось. Она сказала это так, будто наш любимый теннисист вылетел в четвертьфинале, и даже не дала мне отдышаться от беготни. Она продолжала:

– Мы должны все организовать и... Прости, ты в шоке. Я не знала, как лучше тебе это сказать. Как по мне – вырвать больной зуб, отвлекая птичкой за окном, самый лучший способ, – Лиза тяжело вздохнула. – Прости.

Я молчал и не мог заставить язык двигаться. Перед глазами все время стояли эти дурацкие кадры из фильма по телеку, в который я пялился, пока не выключил звук: два киллера – звезды Голливуда – орут друг на друга, по уши усыпанные остатками человеческого мозга. Я представлял, как после отснятой сцены они в шутку ели эти (наверняка съедобные) ошметки, притворяясь, что мозги настоящие.

– Мне жаль, я уже успела оправиться, насколько это возможно. Дядя Антон разбудил меня в пять и сообщил о трагедии. Ты тоже сможешь с этим справиться, я знаю.

– Что нам нужно делать? – я прервал мысли о фильме и попытался спросить что-то более или менее логичное.

– Ничего, просто прилететь домой. За нас все сделает ритуальное агентство, я уже многое успела уладить, а дядя поможет, пока мы будем в дороге.

Голос в динамике уже не казался мне искаженным, он был правильным и ни к чему не привязанным, как у диктора по радио – спокойный и ровный. Я понимал, каких усилий ей стоило держать себя в руках, и старался следовать примеру сестры, не срываясь в панику.

– Спасибо, Лиз. Рад, что мы есть друг у друга.

После непродолжительной паузы она еще раз приободрила меня, сказала, что мы скоро увидимся, и положила трубку.

Я стоял, вжавшись в угол между стеной и холодильником. Телефон крепко сидел в кулаке, и его пластиковый корпус уже начал издавать потрескивающий звук от прилагаемого к нему давления. Я попытался расслабиться, но ладонь так и не хотела разжиматься. Я сделал несколько неуверенных шагов, задел белоснежную дверь, и услышал, как с нее градом посыпалась коллекция моих магнитных трофеев – в основном это были сувениры, привезенные друзьями из-за границы. Казалось, я только моргнул, но, видимо, отключился от реальности, потому что передо мной уже была балконная дверь и одернутая занавеска. Телефона в руках уже не было, во мне осталось лишь одно желание – отрыть в ящике для инструментов зачку «Винстон» и успокоиться.

Дым драл горло и бил в голову. С десятого этажа моей съемной квартиры хорошо обозревался весь район. Внизу люди занимались своими обычными делами: спешили на остановку, гуляли с собаками, садились в машины и быстро разъезжались по своим делам, выплескивая лужи с дороги на тротуар. Я мог оказаться там, среди них, такой же озабоченный насущными

проблемами среднестатистический горожанин. Но в эту минуту меня не существовало. Я был сигаретным дымом, который уносит свежий весенний ветер. И эта мысль поглотила меня. Эта мысль возвращала мне равновесие. Вскоре сигарета уже летела вниз, задевая козырьки балконов, и, в какой-то момент, я готов был составить ей компанию, но выкинул дурацкие мысли из головы и быстро зашел в комнату, начав сборы.

Наша мать была хорошей женщиной. При всех нестыковках во взглядах, она старалась угодить нам, и все, что она могла для нас сделать, – она делала.

Когда мы выросли и уехали из дома, ее жизнь перестал наполнять смысл, но я знал, что она все равно улыбалась каждый раз, когда речь заходила о нас с Лизой. Она стойко перенесла смерть отца, а дядя Антон ее всячески поддерживал. Конечно было видно, что она надломлена, и жизненная энергия медленно покидала ее. После трагедии мы стали видеться немного чаще, однако тоска по отцу так или иначе брала верх, и внешняя улыбка с трудом маскировала внутренние переживания. Тем не менее, время медленно залечивало раны, и жизнь вновь стала протекать, утопая в рутине и былой обыденности. На этой волне я отложил мысли о семье в дальний ящик, вплотную занявшись карьерой. И за это я себя ненавижу.

«У нее остановилось сердце во сне», – так Лизе сказали врачи. «На ее лице так и осталась привычная нежная улыбка», – так нам потом сказал дядя Антон.

Я перебирал в голове разные воспоминания, собирая сумку. Набрасывал туда все что попадалось под руку, лишь бы быстрее забить пустое место, будто это могло заполнить пустоту внутри меня. Я вспоминал статьи, где говорилось, что скорбь по умершему – это нечто вроде скрытого эгоизма – сочувствие самому себе. Однако в тот момент я меньше всего думал о своем эго. Мне было больно от того, что я не дал матери возможность увидеть сына, не сказал, как люблю ее, не обнял, передав ее остывающему телу последнее в жизни ощущение теплоты. Я оставил ее в одиночестве, наедине с безжалостным роком. Боялась ли она? Конечно боялась. И я обязан был разделить с ней этот страх, но я этого не сделал. По моим щекам покатались слезы, выбирая кратчайшие дорожки к подбородку. Они падали на пол, забирая с собой мысли, от которых становилось лишь хуже, и вскоре наступило облегчение.

Собрав чемодан, я начал осматривать комнату на предмет забытых вещей. Когда на глаза попался сотовый, я вспомнил про работу. Сегодня, как и обычно по вторникам, у меня в расписании были запланированы три лекции в частной винной школе моего приятеля Дэна. Моя работа была не по нраву Лизе, так как для нее винная культура всегда оставалась чем-то на уровне хобби, а культура питья сводилась, как она говорила, к «вечернему расслабону». Я и сам иногда думал, что спаиванию студентов и разговорам об алкоголе можно было бы найти более достойную альтернативу. Но мать одобряла мой выбор, да и все мои мелкие шаги по жизни подвели меня к этому занятию, странно было бы дойти до цели и развернуться. Я решил попробовать и убедил себя стать профессионалом хотя бы в чем-то. И вот, по прошествии трех лет, я сам начал читать лекции в школе, организованной моим другом детства. К сожалению, ни одна из моих статей не была напечатана в «Simple Wine», и мне не удалось посетить именитые шато во Франции, но статус лектора энологии придавал моей жизни определенный лоск, о котором я всегда мечтал. А что до моей сестры – она была просто упертым человеком, но в глубине души, я знал – она мной гордится.

Я набрал телефон Дэна и сказал, что меня не будет около трех дней, объяснил ситуацию и попросил прощения за возможные неудобства. Это были лишь слова любезности, однако он воспринял их на свой счет:

– За кого ты меня принимаешь?! Неудобства... Мы все же друзья, Артур. Я искренне соболезную вам с Лизой. Не спешите с выходом на работу, я найду замену на какое-то время, а скорее всего, возьму твои пары на себя, – он был даже слишком заботлив, но эта реакция

не была притворной, я знал его довольно давно, еще со школы, и он всегда чутко относился к любым проблемам окружающих.

– Спасибо, Дэн. Возможно, и правда стоит немного повременить с лекциями. Мы с Лизой и дядей Антоном не виделись больше пяти лет... – я понял, что немного покраснел, произнеся вслух эти слова.

– Слушай, у меня идея, – он помедлил, – и, вместе с тем, просьба.

– Я слушаю.

– Во-первых, дом твоих родителей находится в прекрасном месте, в трехстах километрах от моря. Сейчас не совсем сезон, но тем лучше для тебя – мало людей и суеты, мне кажется, этим стоит воспользоваться.

– Не начинай, ты же знаешь, как я ненавижу эту черную лужу и большинство мест, которые она омывает.

Это была правда. Кажется, что детство на Юге – это мечта, но я никогда не любил эти места. Кроме ряда объективных причин в виде туристов и отсутствия нормальной зимы (а я любил зиму) у меня просто не лежала душа к этому теплему, обожаемому всеми уголку страны.

– Я знаю тебя не первый год, – продолжал Дэн, – поэтому кроме этой идеи, как я уже говорил, у меня есть просьба. Когда твой самолет? – его голос стал издавать небольшие, еле ощущаемые вибрации. Сначала мне показалось, что это волнение, но потом я понял – Дэн был в предвкушении. – Нам нужно успеть увидеться сегодня. Думаю, кафетерий аэропорта прекрасно подойдет. Перезвони, как определишься со временем.

Он бросил трубку, оставив после себя лишь легкое недоумение, прилипшее к моему лицу. Этот день и без того привнес в мою жизнь определенные перемены, которые обещали пройти не без следа. Но Дэн решил разбавить их нотками интриги. Что же, ожидать плохого от этого парня не стоит, если он что-то и придумал, то оно направлено во благо.

У меня скрутило живот, и он издал утробный вой. Организм умолял насытить его хоть чем-то съедобным. Я открыл холодильник и взял тарелку с высохшими еще позавчера бутербродами с сыром, затем достал из своего мини-бара бутылочку «Vrapes» и налил полбокала. Терпкую мощь вина, слегка смягчал заветренный сыр. Закрыв глаза, я вспомнил, как мать по выходным, к обеду, наливала нам с Лизой по рюмке сухого красного. Мы морщились и выливали эту дрянь в цветочные горшки, но со временем стали получать удовольствие и иногда даже подливали себе, пока никто не видит. Это были волшебные воспоминания – живые и теплые. Начиная с этого момента, вкус вина ассоциировался у меня с матерью.

Регистрация начиналась в 18:50. Сейчас, находясь в кафе на первом этаже аэропорта, я сидел и смотрел на часы. Стрелки показывали 16:00 – время, в которое мы договорились встретиться с Дэном.

Он был пунктуален, и когда я оторвал взгляд от часов и посмотрел вперед, то увидел его, преодолевающего препятствия из прибывших и отправляющихся пассажиров. У пары симпатичных девушек он успел попросить прощения за то, что неловко до них дотронулся, хотя в этом не было необходимости. Они улыбались в ответ, оценивая его обходительность и элегантный внешний вид: коричневые зауженные брюки с заворотом, кожаные стильные туфли, пиджак из стрейчевого хлопка под которым была неизменная темно-синяя футболка «СК». Он выглядел представительно, и его вид говорил о его статусе даже больше, чем требовалось. Провожая его взглядом, я понял, что перед выходом даже не посмотрел на себя в зеркало и наверняка выглядел ужасно неопрятно.

– Еще раз соболезную, Артур, но, рано или поздно, всем приходится терять близких, а твоя мать прожила хорошую жизнь, так что... – он потупил взгляд, якобы не зная, что еще сказать. Ощущалась заготовленная речь, наверняка он даже произнес ее вслух, пока стоял в пробках.

– Благодарю, Дэн. Думаю, мы с сестрой справимся. Лучше скажи, что ты затеял? У нас не так много времени.

– Сколько у нас есть? Час с небольшим? Управимся, – он подозвал официантку еле заметным всплеском пальцев. – Добрый день, нам, пожалуйста, пару эспрессо с сахаром и два стакана воды.

Девушка перевела взгляд на меня, будто ожидая одобрения. Я уже хотел было отказаться, но в последний момент решил, что взбодриться не помешает, да и не хватало чего-то в руках для более комфортного общения. Чашка кофе была действительно кстати. Бейджик с именем официантки отбрасывал блик прямо мне в глаз, заставляя прищуриваться. Я кивнул, соглашаясь на кофе, и отпустил девушку, в последний миг успев прочитать на мерцающем прямоугольнике «Анна».

Дэн пододвинул стул ближе и чуть понизил тон:

– Итак, сразу скажу, что та часть нашего телефонного разговора, где я отправлял тебя на отдых, остается в силе. Ты отдохнешь по своему желанию, или же я просто отправлю тебя в отпускную командировку, как твой начальник. Изучишь культуру местного домашнего производства молодых вин. Здесь ставим точку и прекращаем обсуждение, – я был ошарашен таким заявлением, и у меня невольно поднялись брови. С каких это пор он начал пользоваться статусом моего начальника? – Сейчас я начну подводить к основной своей мысли. Пожалуйста, не перебивай.

Я одобрительно кивнул.

– Прозвучит странно, но твой сегодняшний звонок обрадовал меня, Артур. Я часто представлял подобный диалог. Этот диалог не обязательно всегда происходил с тобой, но я очень ждал чего-то подобного уже несколько лет.

– Ты ждал, когда умрет чья-то мать? – черный сарказм был не совсем кстати, но я не смог сдержаться.

Дэн нервно огрызнулся:

– Не перебивай. Понимаю, что невозможно не комментировать мои слова, они звучат странно, но все же постарайся.

– Продолжай.

– Дело в том, что у меня есть нечто вроде тайны, которой мне крайне хочется поделиться. К сожалению, или к счастью, есть такое условие – этой тайной я могу поделиться лишь один раз, лишь с одним человеком, который, так сказать, понес утрату. Я часто мысленно перебирал всех друзей и знакомых и представлял момент «посвящения», – он изобразил кавычки, приправив их тупым выражением лица, – признаюсь, ты был в списке не на первых позициях. Однако, сегодня утром новость от тебя не оставила во мне сил сдерживаться и... Можешь не благодарить, но, возможно, твоя жизнь уже не будет прежней.

– Что ты, нахрен, несешь? – мне хотелось сделать легкий всплеск пальцами в сторону официантки и сказать что-то вроде: «Врача, пожалуйста!». Дэн с полным игнорированием моих слов продолжал говорить:

– Звучит пафосно и нелепо, понимаю. Поверь, мне не просто подбирать слова, потому что я однажды был на твоём месте, и тот диалог происходил в гораздо более странной форме, так что я стараюсь обходиться более или менее понятными изъяснениями. Та тайна, о которой я говорю, находится недалеко от тех мест, где мы выросли. Поэтому я, собственно, и говорю об отдыхе, предлагая тем самым совместить несколько приятных вещей с полезными. Сейчас, как бы я тебе ни объяснял смысл всего, что хочу донести, ты либо не поверишь, либо не поймешь, но, увидев это, через какое-то время скажешь мне спасибо.

– Хорошо, отлично. Я ни хрена не понимаю! Что значит «не поверю и не пойму»? Прекрати говорить так, как будто собираешься отправить меня в «Хогвартс», – я чуть повысил голос от растущего раздражения.

– Вот, ты уже сам начинаешь двигаться в нужном направлении, – глупая улыбка выдала в нем еще не повзрослевшего мальчишку, которого я помнил со школьной скамьи, – то, о чем я говорю, – это волшебное место. Конечно, не такое волшебное как в книгах и фильмах о Гарри. Это нечто реальное, но необъяснимое, что-то вроде разрыва полотна вселенной, которая сосредоточилась вокруг твоего сознания. – Глаза Дэна блеснули. Он на мгновение замер и сглотнул, чтобы ясно и четко произнести то, что вертелось на его языке. – Это Бар.

Последовало многообещающее молчание, после которого, видимо, должны были разверзнуться небеса, но, увы, я наблюдал лишь воодушевление на лице своего собеседника, по ощущениям граничащее с безумием.

– Это Бар? – недоумевая, повторил я.

– Нет. Это волшебный бар.

Я смотрел на него, а он смотрел на меня. Официантка Анна, тем временем, стала доставлять чашки с кофе и стаканы с водой. Я даже не моргал. Дэн отвлекся и вежливо улыбнулся ей, она с радостью улыбнулась в ответ и смущенно шмыгнула носом. Затем она украдкой посмотрела на меня и удалилась.

Я растворился в гуле аэропорта, изредка улавливая холодный женский голос, объявляющий о посадке на следующий рейс. Все окружение посерело, и запах свежего кофе, ощущаемый секунду назад, пропал без следа. Я почувствовал что-то мокрое у себя на лице. «Неужели слезы? Невероятно!», – я закрыл глаза и глубоко вдохнул, вернувшись в реальность. Приложив ладонь к щеке, я стер неприятную влагу.

– Послушай, у тебя, определенно какие-то проблемы. Пять часов назад я узнал о смерти матери, а ты заставляешь меня выслушивать бредни про волшебный бар?! Серьезно?! Дэн, ты можешь меня уволить или обидеться, но я не собираюсь...

– Ты сможешь с ней попрощаться, – тихо сказал он, – по-настоящему.

– Что ты такое говоришь?

– Именно то, что ты слышишь.

– Ты о моей матери?

Он посмотрел на часы и торопливо начал шарить во внутреннем кармане своего пиджака, игнорируя мой вопрос.

– У нас мало времени. Тебе скоро проходить регистрацию, поэтому просто дай мне договорить, – на столе, по мановению его рук, появились три конверта, – если ты меня не слушаешь, то все пропадет, я не смогу больше ни с кем этим поделиться, а у тебя больше не будет возможности убедиться в правоте моих слов. Все работает лишь раз. Не делай мои ожидания напрасными, я решил довериться тебе, так доверься и ты мне. – Каждое слово будто было отчеканено механическим штампом. Он не обращал на меня внимания, а просто продолжал вещать, словно по суфлеру. – Итак, здесь три конверта. Они запечатаны и пронумерованы. В них инструкции. Откроешь первый, когда у вас все утрясется с похоронами. Ты должен немного оправиться и суметь отвлечься, но не затягивай. Время, возможно, будет ограничено. В первом конверте адрес того места, о котором я говорю, а также кое-какие советы и напутствия. Если все сделаешь правильно, то поймешь сам, когда открыть второй. А третий, – он помедлил, – это моя «просьба». Не знаю получится ли, но мне бы очень хотелось, чтобы в конце своего приключения, а по-другому это назвать нельзя, ты сделал для меня вещь, описанную в третьем письме.

Он сидел с протянутой рукой, в которой веером держал три небольших конверта. Лицо было серьезным, и на мгновение мне даже показалась мольба в его глазах.

«Волшебный бар» – какой-то бред. Ощущение, что меня вербует какая-то секта. Три конверта... «Я лечу на похороны, зачем мне все это?» – в голове никак не унималось растущее возмущение недавним диалогом. Я окинул взглядом здание аэропорта в поисках циферблата и понял, что мы просидели два часа.

- Мне пора, – я начал отодвигаться от столика, игнорируя умоляющий вид собеседника.
- Еще раз соболезную, Артур. Передавай привет Лизе.

Он стремительно выбежал из-за стола и растворился в плотной массе людей, которая бездумно поглотила его своим хаотичным движением. Я поднялся, взял с пола сумку и задержал взгляд на столике: остывшие чашки с кофе и стаканы с водой до сих пор дожидались наших глотков, пакетики с сахаром были небрежно раскиданы, а три конверта рядом были разложены по порядковым номерам. Я зачем-то зарисовал этот своеобразный натюрморт в своей памяти и ушел, не нарушая художественной гармонии. Я услышал номер своего рейса и поспешил к стойке регистрации. Ступив с теплого паркета кафе на безжизненный бетон, я практически окунулся в ту же массу, где недавно растворился Дэн, как вдруг почувствовал крепкие, но нежные пальцы, впившиеся мне в руку. Оглянувшись, я увидел лицо застенчивой официантки Анны и ее ладонь с аккуратно сложенными в стопку конвертами.

– Вы чуть не забыли свои билеты, – она смотрела на меня героическим взглядом, не требующим благодарности.

Какое-то время мы бездвижно стояли в ожидании каких-либо действий. Шум толпы ушел на второй план. Между нами произошел мысленный диалог:

- *Бери, тебе это действительно нужно.*
- *Откуда ты можешь знать, что мне сейчас нужно?*
- *На твоём лице написано, что пара рюмок в хорошем заведении изменят твою жизнь.*

А быть может, спасут чью-то еще...

Наконец, воображение прервала реальность. Я оближал высохшие губы, не отрывая глаз от девушки и переступая через здравый смысл, все же промолвил:

- Спасибо, вы меня выручили, – я небрежно взял конверты и положил их в карман.

Она игриво засмеялась:

- Когда зайдете к нам, все же попробуйте кофе, он действительно неплохой.

С этими словами Анна развернулась и неспешно ушла на свою территорию, покрытую темным деревянным паркетом. Ее ноги были напряжены из-за высокого каблука. При ходьбе, мышцы на икрах и бедрах чуть содрогались от твердого шага. Я смотрел ей вслед и думал, что если Дэн прав, и моя жизнь и вправду должна измениться, то эта девушка будет виновата в этом больше всех.

2

Когда прогуливаешься по местам из своего детства, всегда создается ощущение, что находишься в прошлом и настоящем одновременно, и кажется даже, что можешь попасть в будущее. Перебираешь разные моменты, вспоминаешь свои мысли. То, что тебя впечатляло и радовало. Но воспроизвести именно ощущения, к сожалению, задача невыполнимая.

За этот высокий забор я никогда не мог заглянуть. Ощущения волшебства и загадочности не оставляли меня все детство. Сейчас же я видел, что там просто чей-то сад, скрытый от глаз любопытных мальчишек и завистливых соседей. Под теми деревьями мы с Лизой бегали в летние каникулы. А когда уставали, садились на траву, и она «предсказывала» мне, чем я буду заниматься, когда вырасту – такая своеобразная игра. Это были замечательные предсказания, жаль мало из них сбылось. А все яркие ощущения из той маленькой жизни сменились плоскими воспоминаниями уже взрослого человека.

Я шел от кладбища в сторону дома, где меня ждали дядя Антон и Лиза. С момента похорон прошло уже два дня, но каждое утро я ходил туда, чтобы разложить все произошедшее по своим местам. Мы не горевали в *тот день* так, как обычно горюют люди, теряя близких. В этом не было смысла, ведь во мне осталась любовь. Тогда я понял, что настоящую любовь к человеку не способно отнять ни время, ни расстояние, ни уход его в иной мир. Во мне осталось

много хорошего, благодаря моей матери, и если сейчас благодаря мне, это хорошее даст кому-то силы, мысли или вдохновение, то ее полвека прошли не зря. И нить нашей жизни хоть и прохудилась, потеряв одну из жил, но все же не порвалась до конца, а значит, можно было плести ее дальше.

Прохладный мартовский воздух в сочетании с ярким, набирающим силу солнцем действовали на меня слегка пьяняще, словно молодое вино, еще не успевшее набрать цвет и терпкость. И уже подойдя к дому, я не поверил, что прогулка подошла к концу. На меня уже смотрел забор с черными коваными воротами, за которым расположился коттедж – сбитый и массивный, как старый откормленный Чеширский Кот. Его открытые окна принимали бодрящую прохладу, а кирпичные стены, напротив, вбирали тепло. В этом доме я вырос. Каждая скрипучая доска, каждый потайной уголок и прилегающая тропинка были мне хорошо знакомы. Любой его закуток ассоциировался с каким-то воспоминанием. И прекрасно было то, что по большей части, эти воспоминания касались моих родителей.

– Сопляк! Твой чай уже холодный! И мне потребовалось всего лишь подлить в него ледяной воды! – со стороны террасы я услышал очередной саркастичный выпад Лизы.

С ее и без того растрепанными кудрявыми волосами, весело забавлялся мартовский ветер. Я смотрел, как она залиvisto смеялась, облокотившись на ограду и ожидая моего ответа. Ее пышная грудь, прикрытая сарафаном, прибавляла ей еще больше женственности. Теперь она могла повелевать не только нашей семьей, как в детстве, но и мужчинами, которые ее наверняка постоянно окружали. В последний раз мы виделись пять лет назад, и она очень сильно изменилась. Однако мы всегда поддерживали связь на расстоянии, поэтому никаких барьеров между нами так и не образовалось.

– Если ты думаешь, что я закрою на это глаза и не разведу свой чай кипятком, ты сильно заблуждаешься! И так будет с каждым чаем, до которого ты доберешься! – в ответ раздался залиvistый смех сестры.

Неожиданно приоткрылась калитка. Дядя Антон вышел в шортах и теплом вязаном свитере. Он всегда был плотного телосложения, но время брало свое, дядя заметно осунулся с последней встречи, а волосы на голове и лице почти все приняли седоватый оттенок.

– Артур, хватит дурака валять, вы всех соседей на уши поднимите.

– Она первая начала, неужели ты не слышал?

– Вам будто все еще двенадцать.

– Разве это плохо?

– Это громко, – твердо ответил он, проведя рукой по своей щетине, и кивком пригласил меня зайти в ограду.

Мы сидели за столиком на террасе. Мой чай был ледяной, как из холодильника. В момент, когда я поднес его ко рту, Лиза еле сдержалась, чтобы не сорваться в гогот. Я подыгрывал ее шалостям и отпивал помаленьку, будто обжигаясь. Антон расспрашивал нас о работе, и личной жизни. Спрашивал, чем сейчас занимается молодежь в большом городе, сколько у нас стоит поход в бассейн и какие у нас планы на будущее. Мы вспоминали старые семейные случаи. Обсуждали музыку, кино, политику. Разговор о родителях никто завести так и не решился, так было лучше для всех. В этой компании я ощущал себя на своем месте. Мы растворились друг в друге, забыв про время и ранний вечер, который тайком опустил солнце, видимо, в надежде на то, что никто этого не заметит.

В свете тусклых ламп, спешно подведенных дядей к беседке, лица Антона и Лизы казались незнакомыми. Очертания, к которым я привык, вдруг обретали новые формы. Но стоило перестать задумываться об этом, как все тут же вставало на свои места, и мои близкие становились сами собой. А разговор все продолжался.

– Дядя, помнишь, отец возил нас в горы к водопаду? – неожиданно спросила Лиза.

– О, Лиза, ты хочешь засмеять старика, указывая на его дряхлую память? – он смущенно улыбнулся. – Все наши вылазки в горы слились в одну большую бесконечную поездку с одинаковым пейзажем.

– Прощу заметить, с восхитительным одинаковым пейзажем, – вставил я.

– Несомненно, это были чудесные дни. Мы собирались семьями, запасались овощами, фруктами и мясом. А затем длинная дорога с песнями и словесными играми приводила нас к нетронутым красотам этих мест. Я и рад бы сейчас разложить картотеку наших путешествий по папкам, но, увы, все слилось в одну кашу.

Лиза не отчаивалась.

– А я хорошо помню одну поездку, которая понравилась мне больше других. Это был теплый июльский день в начале девяностых. Мне тогда было около семи лет. Мы спонтанно решили исследовать новые территории. Бросили в багажник несколько картошин и канистру с квасом. За рулем был ты, штурманом был отец, а мы с Артуром сидели сзади. На нас еще свалили пледы и спальные мешки, чтобы было уютнее... Так было весело!

– Ты говоришь про то ущелье рядом с маленькой дереvушкой? – догадался я. – Как же она называлась?

– Неужто вы вспомнили Гуамку?

– Точно, я именно про нее! – радостно воскликнула Лиза. – Там была красивая опасная тропа рядом с железнодорожной линией. Нас хотели прокатить на дрезине, но папа отказался. Он сказал, что однажды его знакомый альпинист свалился вниз вместе со всей своей командой. Никто не выжил. Помню, там внизу и вправду лежал старый ржавый вагончик, так и не унесенный буйным течением. Было так страшно, но невероятно интересно.

– Я был совсем маленький. Помню только, как после долгого пешего марш-броска мы наткнулись на огромный водопад, под который потом ныряли. А ты, дядя, рассказывал всякие истории и легенды, связанные с этим местом.

– Хочется побывать там еще раз, сказать спасибо, – мечтательно сказала Лиза.

– За что и кому? – полюбопытствовал дядя Антон.

– Это место подарило мне уверенность и укрепило характер. Даже в своем дневнике я позже писала, что эта поездка изменила во мне что-то. Та река, которая миллионы лет промывала горную породу, чтобы пройти в желаемом направлении, не сдалась и добилась своего. Теперь она течет по огромному ущелью, которое сама же создала. Я сравнивала эту реку с собой и своей жизнью и пообещала, что не буду отступать никогда и ни перед чем.

Мы смотрели на Лизу, проникаясь ее неожиданным откровением. Она опустила глаза, задумчиво разглядывая текстуру деревянного стола, но затем быстро реабилитировалась и, улыбнувшись, заговорила с прежним озорством в голосе.

– Ребята, я не хотела вас грузить. Пожалуйста, расслабьтесь.

– Ты ни разу не рассказывала об этом, – проигнорировал я ее беззаботный тон.

– Просто сейчас вспомнилось. В этом нет ничего необычного. У каждого ребенка есть вещь, человек или ситуация, которые что-то в нем перевернули.

– Лиза, я слышал, что там сошли сильные сели, и дорога заметно сузилась. До водопада точно не добраться. Но какую-то часть пути поддерживают, ведь это основной заработок местных, там сейчас организуются туристические поездки, так что ты без проблем можешь туда добраться.

– Увы, не в этот раз. Слишком много работы, – она грустно улыбнулась. – Как всегда, ни на что нет времени.

Последовала очередная пауза, которую решил разбавить я:

– А на становление моей личности серьезно повлияла та история с велосипедом...

Эта фраза тут же рассмешила всех участников застолья. Никто не стал развивать эту тему, все лишь деликатно переглянулись, и дядя Антон поднял бокал.

– Дорогие племянники, пусть ваши достижения растут, а окружающий мир, подкидывает побольше обстоятельств, которые этому способствуют.

– Аминь, – поставила точку Лиза.

Мы допили последнюю бутылку домашнего вина и начали собирать продукты со стола. Скоро все переместились в дом, чтобы отдохнуть от насыщенного дня и побыть наедине с собой.

Я оповестил остальных, что собираюсь полистать книгу в своей комнате на втором этаже. Дядя Антон не обратил внимания, он смотрел поздние аналитические передачи и был вовлечен в них с головой. Лиза молча прошла мимо в сторону уборной, думая о своем. До этого она уже успела перемыть всю посуду и законно игнорировала все, что происходило вокруг нее, включая мое присутствие. «Что ж, и вам хорошо провести время», – подумал я.

На втором этаже было тихо и таинственно. Я нащупал выключатель, и тусклая лампочка подсказала дорогу к моей комнате. Внутри оказалось очень тесно. Какие-то незнакомые мне вещи переполняли комнату: коробки, горы одежды, старый компьютер и башни из цветочных горшков. Все, что я здесь узнавал, находилось в углу у окна. Здесь стояла моя кровать и небольшая тумбочка, на которой пылился виниловый проигрыватель, подаренный мне отцом в далеком детстве. Приоткрыв крышку проигрывателя я, к своему удивлению, обнаружил пластинку, оставленную там неизвестно кем и когда (возможно, мной, пять лет назад): «Deep purple – The house of blue light», на второй стороне. Удержаться было сложно, я настроил тонарм напротив первой дорожки и нажал «Пуск». К сожалению, ничего не произошло. Диск не раскрутился, хотя все провода тянулись к розеткам. Осмотрев аппаратуру, я попытался разобраться в чем дело, но, не имея большого опыта и желания, пожал плечами и быстро отбросил эту затею.

Отвлечшись, я еще раз огляделся по сторонам. Книг здесь не было, должно быть их переставили в соседнюю комнату. Я сделал шаг в сторону выхода, но, опомнившись, понял, что здесь слишком темно, чтобы читать с бумаги, и решил попросту воспользоваться «читалкой» на телефоне. Тем более, там у меня был брошенный пару месяцев назад роман Ирвинга. В нем рассказывалось о необычайно насыщенной жизни американского писателя, о его пристрастиях, взглядах и семье. Чтение давалось легко. Я запросто мог спроецировать главного героя на себя, примерить его кожу, увидеть мир так, как видел он. Мы были похожи и близки. Именно поэтому вечерний процесс чтения удался – я дочитал книгу за несколько часов, так и не вспомнив, почему бросил роман на трети. Глаза были перенапряжены и терлись от утомления. В конце концов веки сдались, и я провалился в сон.

Я проснулся, испугавшись какого-то щелчка, звонко распространившегося по комнате.

«Интересно, сколько я проспал?»

Телефон валялся на полу. Похоже, он меня и разбудил. Я провел пальцем по слипшимся ресницам и приподнялся, опираясь на локти. В комнате ничего не изменилось, кроме входной двери, которая теперь была прикрыта. По всей видимости, время уже было позднее, и все легли спать. Полоска лунного света проникала в комнату, разрезая мою кровать надвое. Вокруг этого места кружили маленькие безобидные комары, которых я попытался разогнать. Они оказались быстрыми и без проблем увернулись от моих медлительных взмахов.

Снова этот щелчок.

Я вздрогнул от неожиданности, тут же забыв о маленьких кровопийцах. Теперь я понял – что-то ударило в окно. Через несколько секунд моего недоумения – снова. Я встал и, одернув занавеску, распахнул створки. Плотный поток свежего воздуха мягко ударил по лицу и вернул мне бодрость.

На улице стояла глубокая ночь. Стрекот кузнечиков, казалось, разносился на километры. Луна освещала оконный проем и участок земли подо мной, и как раз на том месте стоял непо-

движный силуэт человека. Я пригляделся и увидел, что из его ладони выпала горсть камней. Человек был одет в темную мешковатую кофту с капюшоном, прикрывающим голову и лицо. Я видел, что его телосложение не походило на взрослого мужчину. Возможно, это был мальчик или шупленькая женщина. В затененных участках, куда из-за деревьев не добрался лунный свет, виднелись зеленые светлячки, кружившие вокруг силуэта. Выглядела эта картина сюрреалистично, и на секунду мне показалось, что это сон. Но все было взаправду.

– Простите, какого хрена вы делаете? – я спросил приглушенным голосом, всячески соблюдая тактичность в интонации.

– Бросаю камни в ваше окно, – услышанный мною тонкий голос был не совсем женским и уж точно не мальчишеским – он был детским. Внизу стояла девочка школьного возраста, может быть, класс седьмой или девятый, не старше.

– Это я заметил, ты меня разбудила и напугала. У тебя какие-то проблемы? Тебе помощь нужна?

– Нет. Я просто поболтать захотела. Ночью скучно. Днем хотя бы можно понаблюдать за людьми, а как солнце зайдет, только и делаешь, что звезды считаешь.

– Прости, но я не думаю, что смогу сейчас тебя развлечь. Я уже спал, так что...

– У тебя зрение хорошее? – она пресекла мою попытку увильнуть от разговора.

– Довольно хорошее, хотя врачи говорят, что нужно начинать делать профилактические упражнения, иначе может сесть.

– Круто, а у меня плохое. Ну, если честно, не очень. Чувствуется, что могло быть и лучше.

– Я не вижу на тебе очков. Ты линзы носишь?

– Нет, просто мои очки уродливые. Мне все об этом говорят. И я надеваю их только в особых случаях, – она начала неуклюже шарить в кармане своей толстовки. Пока она отвлеклась, я разглядел ее затертые джинсы и старые кеды. На ее голову был наброшен капюшон, и я заметил, как из его глубины проявлялись темные пряди волос. Ее рука дотянулась до носа, и на лице возникли забавные квадратные очки в фиолетовой оправе. Такие носил герой американского мультсериала моего детства, не помню, как его звали, кажется, мальчик Чакки. – Ну, что скажешь?

– Вполне мило, мне нравится. Не стесняйся их. Раз они – часть тебя, пусть люди к этому привыкают.

– Надо же, ты и вправду довольно любезный.

– Что значит «и вправду»? Ты меня знаешь, что ли? – я высунулся из окна сильнее, демонстрируя свое любопытство.

– Теперь немного знаю, но мы бы в любом случае познакомились, – она ухмыльнулась, и мне показалось, что девочка сама удивлена тому, что сказала.

– Ты странная. Рассказывай, что тебя сюда привело?

– Я живу неподалеку, там, через несколько домов в сторону кладбища, – она указала большим пальцем влево. – Не могла заснуть и пошла посмотреть на тебя. Луна сегодня полная и яркая. Красота! – Девочка снова сломала линию разговора, моментально сменив тему.

– Луна действительно красивая, но...

– Ты знал, что на разных участках луны разные силы притяжения?

– Нет, – задумчиво протянул я.

– Это из-за особенностей ее внутреннего строения. Там, где лунная порода вулканическая, притяжение несильное, а там, где порода плотная, состоящая из поглощенных небесных тел, притяжение гораздо сильнее, – девочка перебрала пальцами по дужке очков и продолжила. – Когда миллионы лет назад луна была сгустком магмы, она поглощала астероиды, которые в нее врезались. Отсюда и кратеры, видишь? – Она подняла голову вверх и посмотрела на светящийся в небе шар.

– Честно говоря, никогда не интересовался астрономией, но звучит интересно, – я немного помедлил и все же решил вернуть курс разговора с небес на землю. – Так что насчет тебя? Кто ты? И чего здесь...

Я не успел даже закончить мысль. «Hard Lovin' Woman» завелась с такой громкостью и скрежетом, что все мои органы в момент опустились к полу, чуть не выдавив из меня ужин. Пластинка трещала от пыли, а расстроенный стробоскоп придал веселым духовым инструментам атмосферу Хичкоковского «Психо». Я резко рванул к проигрывателю и, не успев сделать шага, влетел в открытую створку окна. Разбитое стекло посыпалось на пол с оглушительным звоном. Не медля ни секунды, я дотянулся до кнопки питания и вжал ее с такой злостью, что она начала хрустеть. Пластинка остановилась, и я стал постепенно приходить в себя. Я заляпал кровью половину комнаты, а из руки, все еще не останавливаясь, струился багровый ручеек.

Лиза вбежала в комнату в старой ночнушке. Вид ее был ошарашенный, но когда она увидела готическую композицию, в центре которой стояло мое бездвижное тело, на ее лице отразился ужас, и она нервно выпалила:

– Что тут произошло, Артур?!

– Не подходи, здесь могут быть осколки. Я просто... Просто я решил подышать воздухом, и меня напугал проигрыватель. Я дернулся и разбил стекло. Все в порядке.

– Ты кровью сейчас истечешь, быстро пошли в ванную.

– Да иду, – собираясь с силами, я выглянул в окно, ожидая, что странная девочка в фиолетовых очках растворится во тьме, соблюдая все каноны фильмов ужасов, коими для меня явились последние десять минут. Не тут-то было. Девочка стояла на том же месте и держалась за очки, перебирая пальцами дужку. Я задержал внимание на ней чуть дольше, чем хотел, и она успела что-то чуть слышно произнести:

– Открой первый конверт, Арти.

– Там что, кто-то есть? – Лиза начала движение в мою сторону.

– Я же говорю, здесь осколки! – я чуть повысил голос, и она остановилась, глядя на меня с недоверием.

– Пойдем уже в ванную, нужно срочно промыть рану! И больше не шуми, не хочу будить дядю Антона.

Я не стал смотреть в окно снова. Эта фраза наверняка мне послышалась. Если она и вправду что-то сказала, то это было настолько тихо, что я физически не смог ее расслышать. Да и Лиза не обратила внимания на чужой голос. «Это была игра воображения... – думал я, – завтра мы последний день гостим в доме родителей, а утром уже договорились с Лизой купить билеты обратно. Так что, возможно, это попросту было мое подсознание, не готовое отпускать родные места. Дэн вбил мне в голову какую-то нелепую навязчивую идею, и я не собираюсь идти у него на поводу. Это бред, и никакие школьники, гуляющие по ночам, не смогут меня в этом переубедить».

Я шел в ванную, оставляя после себя капли крови. Я никогда так сильно не ранился (не считая случая с велосипедом), и мне было не по себе. Я попросил сестру налить мне бокал вина, но она принесла виски. Я выпил пару рюмок и абстрагировался от всего. Окунувшись в себя, я видел лишь глаза девочки, обрамленные фиолетовой квадратной оправой. Они были мне знакомы.

Ты открыл его. Эта мысль греет мне душу. И хотя сейчас я нахожусь в неведении, я чувствую, что ты это сделал – и это правильный выбор. Знаю, ты читаешь мое письмо с большим недоверием и ищешь здесь нотки шизофрении и психического расстройства. Но хочу заранее признаться, подобное содержание больше присуще письму «номер два». Сейчас же я постараюсь направить тебя в нужную сторону. Кстати, немного отступая от содержания, скажу, что письма не предназначались именно тебе, Артур. Твое имя фактически наложено

на шаблон. Как я уже наверняка говорил, ты не был единственным кандидатом на роль человека, с которым я хотел бы поделиться своим секретом, так что без обид, если не почувствуешь своего «присутствия» в моем изложении. Я написал эти письма пару лет назад и в течение этого времени перечитывал их почти каждый день, и почти всегда корректировал, так что можно назвать их моим трудом. Но писатель я никудышный и вряд ли заработаю этим себе на старость. Однако, ты, надеюсь, все усвоишь и проникнешься.

Что ж, я отвлекся.

Для начала хочу напомнить и немного раскрыть подробности одной истории.

Когда для меня все началось, мне было двадцать три. В тот день я закончил учиться. Я уже, в прямом смысле, стоял на пороге во взрослую жизнь, когда мне позвонила молоденькая сотрудница морга – гребаный «вестник смерти» в юбке. И вот, только что я думал о выпускном вечере и сиськах Розы, с которыми буду развлекаться, когда напьюсь, а в следующую секунду эта девчонка, одной лишь монотонной фразой, заставила забыть о празднике, попросту сказав, что моего отца больше нет.

Сначала я думал, что это паршивый розыгрыш, но она слишком убедительно тараторила записи медицинской экспертизы: «Его машину разорвало на две части пикапом Додж, водитель которого не справился с управлением и вылетел на встречную полосу движения. Ваш отец умер от повреждения внутренних органов и большой потери крови. Вам необходимо будет приехать и оформить кое-какие бумаги, оставайтесь на линии, через секунду с вами свяжется оператор». В один момент пропало все – значимость выпускного дня, мои планы и перспективы на жизнь, похотливые мысли о Розе и самое главное – мой отец.

Ты знаешь, что было дальше. Помнишь, мы как-то задержались после дегустации в школьном классе и подняли эту тему? Тогда я рассказывал о том, что происходило в семейном доме, и как я это переживал – я говорил правду. Но рассказал не все...

После похорон у меня состоялся разговор с приятелем отца – то ли школьным другом, то ли коллегой – не важно. Он подошел ко мне после процессии, в строгом костюме и шляпе, которая затеняла лицо, но я все же разглядел дорожки слез на его щеках. Никогда его раньше не видел, однако они с отцом были близки. Мы говорили много часов, бродя по улочкам, которые неспешно провожали нас домой от кладбища. Этот разговор походил на тот, который я провел с тобой. Я был убит горем, но эти сказки про волшебство вызвали во мне надежду. Я понимал, что это бред, да и тот человек слегка смахивал на безумца. Но когда он произнес фразу «ты сможешь с ним попрощаться», я не смог сказать «нет». Я был совсем молод и чрезвычайно подавлен, и в тот момент мне было плевать на все. Я просто хотел убежать. И когда мне предложили отправиться в «волшебную страну», я не стал отказываться. Он дал мне адрес и ввел в курс дела. Скоро я попрощался с близкими и уехал к своей новой цели, без лишних вопросов, не слишком задумываясь о бредовости происходящего.

Твой адрес уникален – ...

Я знал о той трагедии с его отцом, произошедшей много лет назад. Он не любил говорить на эту тему, и я никогда не пытался вскрыть его душу. Потому сейчас некоторые факты для меня оказались неожиданными.

Сидя под сливовым деревом, недавно набравшим нежный цвет, я читал слова, которые Дэн не сказал мне в аэропорту, и мысленно пытался склеить их с теми, которые ему все же удалось до меня донести. На улице было тепло и безлюдно, и я слышал шорох каждого листочка. Эта слива росла здесь уже давно, но когда я уезжал отсюда пять лет назад, она была гораздо дальше от кладбища. Я чувствовал, как оно ее догоняет, тянет свои темные тени в ее сторону. Все кладбища, рано или поздно, начинают разрастаться, сколько места им не отводи. А это беззащитное дерево скоро станет его невольным гостем, и от этого становилось безрадостно.

...хутор Джанхот, Вторая улица 2, вход под вывеской «То, что ты ищешь, Артур». Эта улица не обозначена на картах, попасть туда ты сможешь, пройдя по проспекту Лесному в сторону побережья. Как наткнешься на мерцающий фонарь, сверни направо. Также не забудь надеть тот значок, который я вложил в конверт – это пропуск, с его помощью ты пройдеши на вторую улицу.

Конверт с цифрой «1» лежал у моих ног, прижатый камнем. Значок, о котором говорил Дэн, я уже успел прицепить на грудь (он вывалился из конверта, хотя до этого я его не нащупывал). Сувенир представлял собой изображение пенной кружки пива, протянутой двумя обхватившими ее руками. Фон был ярко-зеленого цвета. Рисунок был выполнен в карикатурной стилистике, броско и детально. Эта штукавина оказалась для меня приятной неожиданностью, как сюрприз в шоколадном яйце. Само же письмо было напечатано на компьютере, но некоторые моменты (такие, как мое имя) были написаны синей ручкой.

Солнце было в зените. Я почувствовал каплю пота, скатывающуюся по виску, и вдруг вспомнил о сестре. Лиза уехала в город за билетами. С дядей Антоном она попрощалась, так как решила не возвращаться и дожидаться меня там. Время близилось к полудню, и, если я хотел успеть на рейс, стоило начинать внимательней следить за временем, что в условиях моего самочувствия было затруднительно.

Сегодня я не спал всю ночь. Рука ныла от пореза, но причина бессонницы была не в ней. Мне не давали покоя глаза девочки. Наверняка, со мной играло ночное воображение, но эта игра походила на кошмар наяву: то передо мной стояли глаза моей матери, обрамленные тяжелым контуром фиолетовой оправы, то глаза официантки Анны, хитро улыбающиеся, и будто что-то пытающиеся мне сказать. И, черт возьми, я готов поспорить, что оба варианта подходили лицу той девчонки. *Кто она такая?* У меня даже была бредовая затея составить фоторобот, но с утра разум возобладал, и глупые ночные мысли улетучились сами собой. Тем не менее, на последнюю утреннюю прогулку я захватил первый конверт. Я уже забыл, как оказался под этим деревом с посланием Дэна в руках. И сейчас, сидя здесь, я не мог поверить, что в голове крутились мысли позвонить Лизе и сказать, что у меня остались незаконченные дела. Я опустил голову и продолжил читать.

Ты мне до сих пор не веришь, Артур. Я знаю тебя, как человека с преобладающим здравомыслием и взглядом реалиста. Но если ты это читаешь, то наверняка должен чувствовать странное натяжение в восприятии действительности. Все уже началось, и ты не можешь этого отрицать. Бар будет притягивать тебя, потому что ты ему нужен не меньше, чем он тебе. И мой совет – поддайся течению. Сядь на рейсовый автобус, закрой глаза и плыви. Я сделал так и ни разу не пожалел. После того, что там произошло, моя жизнь изменилась. Я удачно вложился и открыл Винную школу. Таковую о которой мечтал мой отец. Но это лишь одна из сторон, второй же является озарение. Я видел то, чего и не снилось увидеть большинству людей. Сейчас мне приятно вспоминать о том, что мне пришлось пережить в те несколько дней. Я многое осознал и уяснил для себя. И теперь дарю эту возможность тебе, даже не требуя благодарности. Так что удачи и, вероятно, до скорой встречи.

P.S.

Откроешь следующий конверт после того, как посетишь бар первый раз. Так тебе будет гораздо легче поверить в написанное.

Я поднялся на ноги, сложил письмо вчетверо и положил в задний карман. Спина полностью затекла, и я начал делать скручивания, чтобы ее размять. Каждый рывок сопровождался теплым дуновением нагретого ветра. Солнце светило ослепительно ярко, я смотрел в его сто-

рону, насыщаясь лучами, и чувствовал, что вот-вот чихну. Позади послышался брякающий на кочках велосипедный звонок. Ко мне кто-то приближался. Оборачиваясь в сторону велосипедиста, я не сдержался и чихнул два раза подряд.

– Будь здоров, здоров! – все еще ослепленный солнцем, я никак не мог сфокусироваться на лице человека, но по голосу я сразу понял, что это та самая девчонка в очках Чакки.

– Спасибо, а я как раз недавно тебя вспоминал, – зрение вернулось, передо мной стояла уже знакомая девочка. Ее голубые глаза глядели на меня с игривым прищуром, аккуратный нос, задранный кверху вдыхал запах молодой травы, застилающей все вокруг. Под ним улыбались пухлые губки в канавках и ямочках. Русые волосы девочки были собраны в конский хвост, открытые хрупкие плечи были усыпаны веснушками (еще какой-нибудь год, и ее можно будет смело называть девушкой). Руками она опиралась на руль велосипеда, а широко поставленными ногами упиралась в землю, не давая велосипеду шататься. В ее глазах я не увидел никаких знакомых черт, что виделись мне ночью, и это меня успокоило.

– Я уже пару кругов здесь навернула. Видела, как ты читаешь, и не решалась тебя отвлекать. А сейчас, когда ты начал зарядку, решила подъехать и поздороваться, – ее бойкий, почти мальчишеский, голос звонко разлетался по округе.

– Вот как. Следил за мной, значит? – я направил на нее указательный палец, как бы уличив в преступлении.

– Немного, – прищурившись, ответила девочка. – Смотрю, чтобы ты не наделал глупостей, как вчера со стеклом, – она хихикнула, искоса поглядывая на мою перебинтованную кисть.

– Вчера была странная ночь, и ты меня удивила некоторыми своими репликами, да и вообще своим появлением.

– Это все очки, я их надеваю и вижу скрытое. Что-то вроде супер-способности, понимаешь? Обычно ничего интересного в людях я не нахожу, но вот уже пару дней я вижу любопытные вещи, и они связаны с тобой. Поэтому я говорила немного странно. Я видела чуть больше, чем ты думаешь.

– Надо же. Ты сейчас в очках, видишь еще что-нибудь необычное? – я спросил с шутливой интонацией, но почему-то рассчитывал услышать серьезный ответ.

– Вижу. Ты собираешься уехать отсюда, но не туда, куда должен был уехать изначально.

– Это так, – я был потрясен, и решил продолжить играть по правилам. – И что меня там ждет?

– Я не знаю, очки не видят будущее, они видят то, на что я смотрю. Классный значок, тебе идет. Это что-то, связанное с клубом анонимных алкоголиков? А я думала, такие только в фильмах бывают.

– Нет, я просто нашел его и нацепил от нечего делать, – я не хотел терять нить диалога и постарался вернуться обратно. – А помнишь, ты вчера, стоя под моим окном, назвала меня любезным человеком? – девочка кивнула. – Это звучало так, как будто тебе об этом кто-то сказал.

– Да, я немного прокололась, обещала все сделать правильно, но когда начинаю болтать... – она покраснела, затем переступила через велосипед, положила его на землю и подошла ближе, начиная говорить пониженным голосом. – Обещаешь ей не рассказывать?

– Что и кому? И да, заранее обещаю.

Девочка подошла совсем близко, и я почувствовал мягкий запах ее пота. Вместе с ним до меня дошли какие-то невидимые, но явно осязаемые импульсы. В голове зазвенело, и мне стало не по себе. Через несколько секунд все прекратилось, а собеседница, дождавшись моего внимания, продолжила:

– Ко мне вчера днем подошла девушка, очень красивая, с ярко накрашенными губами. На ней был короткий топ и узкие джинсы, как на старых плакатах с поп-певицами. Ах да, и

еще кожаная куртка, похожая на байкерскую. Я на нее сразу обратила внимание, потому что здесь люди так странно не одеваются. Она увидела меня, прыгающую по бордюрам, и почему-то захотела поговорить, а я была совсем не против. Мы говорили несколько часов. О всяких разных вещах: о школе, о кино, даже затронули кулинарные пристрастия. Ты будешь смеяться, но у меня так мало друзей, что таких, казалось бы, обыденных разговоров мне очень сильно не достает. В какой-то момент мне стало казаться, что мы знакомы уже очень давно. Она назвала меня милой, умной и талантливой. Еще сказала, чтобы я не скучала, и что мы еще увидимся, однако ей нужно уезжать. А если я захочу развлечься, я могу побросать камни «вон туда», и указала на твое окно, – девочка вскинула палец в сторону моего дома, – сказала, там живет очень любезный человек, с которым не будет скучно. Уходя, она попросила никому про нее не рассказывать. Потом дошла до конца улицы, села на красный мопед и умчалась.

– Хм, интересная история, то есть вы говорили обо мне?

– Как оказалось, да. А ночью я не могла уснуть и решила последовать ее совету. Потом ты выглянул в окно и повеселил меня. Кстати рука не сильно болит? – Чакки указала глазами на перебинтованную кисть правой руки.

– Нет, не сильно. Скорая помощь, в лице моей сестры, подросла вовремя, – я инстинктивно покрутил запястьем.

– Что это была за девушка? Как ее звали? – продолжал я.

– Она не представилась. Да и мне самой не было дела до ее имени. Но все же, когда я надела очки, а я не могла этого не сделать, я увидела, как ее зовут – глядя сквозь линзы, на ее груди появился бейджик, как у официанток...

– Анна?

– Бинго! – девочка зааплодировала и громко рассмеялась. – Как ты догадался?

– Это магия, а я добрая фея, сейчас достану палочку, – я стал шарить по карманам.

– Ха-ха-ха, – она всем видом показала, что шутка была не к месту, – очень смешно! А теперь серьезно. Вы знакомы? Я так и думала, что ей что-то нужно от меня. Видимо, ей попросту нужен ты.

– Мы не знакомы, просто виделись один раз. И если я ей нужен, какова здесь твоя роль? Почему она не нашла меня сама?

– Интересный вопрос, но не ко мне.

Я отвернулся от девочки и отвлеченно оглядел сливу от основания ствола до верхушек. Маленькие цветочки были залиты весенним солнцем и мягко рассеивали его свет. Я хотел, чтобы эта картина разбудила во мне какую-то мысль, и я бы точно осознал смысл всего происходящего. Вместо этого я видел лишь загадку, которую, по-видимому, придется решать без подсказок. Сквозь все эти раздумья я услышал собственный голос:

– Вся эта ситуация приобретает странную форму. Какой-то фантастический сюжет, который не укладывается в голове. А я, какого-то черта, почти поддаюсь этой данности, и это меня тревожит.

– Эй, очнись, ты будто сам с собой разговариваешь, – Чакки занесла ладонь, чтобы влечь мне пощечину, и я очнулся, не дождавшись предполагаемого удара.

Я перевел взгляд на девочку, и ее только что обеспокоенный вид тут же сменился подбадривающей улыбкой. Мне вдруг захотелось, чтобы у нее нашлись ответы на все вопросы, но я задал тот, который крутился в голове чаще других:

– У меня ощущение, что здравый смысл покидает меня, но скажи честно, ведь это только начало? Во что я вляпался?

Худая, чуть загорелая рука, покрытая веснушками, скользнула по рукаву рубашки и обвила мою руку. Чакки (так мне захотелось ее называть) стояла вплотную ко мне, и я ощутил неожиданное проявление ее поддержки.

– Это просто небольшое приключение. Многие люди жизнь готовы отдать, лишь бы в окно их рутинного существования ворвался хоть какой-то ветерок перемен. У тебя же обещает случиться настоящий ураган – путешествие в неизвестность, таинственная незнакомка, да и наша встреча. Я считаю, все это – просто подарок судьбы.

Я посмотрел сначала на нее, а затем перевел взгляд в сторону кладбища.

– Моя мать как-то сказала мне: «Если хочешь прожить интересную жизнь, ты не должен думать, куда идти, ты должен просто идти».

– Хорошие слова. И очень подходят сегодняшней ситуации.

– Как тебя зовут? – я повернул голову, чтобы увидеть ее лицо. Она чуть отпрянула от меня и загадочно улыбнулась.

– Ты уже дал мне имя. Оно дурацкое, но вполне сносное.

– Хм, всевидящие очки. Действительно впечатляет. А мой бейджик ты уже прочитала? – я прищурился, пытаюсь разглядеть ответ в ее эмоциях.

– У тебя нет бейджика, рыцарь Камелота, извини.

Эта девочка решила мою дальнейшую судьбу всего за пару часов общения. За эти же несколько часов я начал ей доверять и даже готов был называть другом. Для меня не имело значения, кто она такая и откуда взялась на самом деле. Она дала мне возможность вырваться из оков логики и привычки. И я уже не просто был готов следовать письмам Дэна – я хотел им следовать. И что бы там ни произошло, я сделаю это для своей матери. Потому что я так давно ничего ради нее не делал.

– Чакки, мне пора бежать. Нужно сделать несколько звонков и продумать маршрут, я действительно собираюсь туда, куда сначала не планировал.

Ее ровные зубы показались и дали понять, что она довольна моим решением. Я и моргнуть не успел, как под ней оказался велосипед, а ноги были готовы провернуть педали.

– Удачи, Артур! Надеюсь, у тебя все пойдет по плану. Рада была познакомиться!

– погоди, я не хочу прощаться, где именно ты живешь?

Она уже отдалялась, гремя звонком. Я мог бы ее остановить и спросить, что это значило, увидимся ли мы, и кто она в действительности. Но я не стал. Я почему-то был уверен, что мы увидимся тогда, когда будет нужно. И я готов был подождать.

Разговор с Лизой не заладился, она чувствовала – я что-то задумал, что-то от нее скрываю. И она была права на все сто процентов, ведь я скрывал от нее абсолютно все, начиная с момента, когда узнал о смерти матери. Я сказал, что задержусь здесь на неопределенное время, и решил связать эту задержку с работой. Сказал, что Дэн попросил съездить на небольшую винодельню на юге региона, договориться о летней экскурсии для студентов-выпускников.

– Ты меня держишь за идиотку? Артур, мы три дня прожили под одной крышей и сегодня вместе собирались улетать. Ты даже не заикался о работе!

– Прости, она всплыла совсем недавно. Ты рано уехала, я не успел поговорить с тобой с глазу на глаз, – я искренне сожалел, что приходится ей врать, поэтому сожаление в голосе было неподдельным.

– Господи, тебе не нужно оправдываться или пытаться меня в чем-то убедить. Если тебе необходимо побыть с собой наедине – так и скажи, я это пойму. Просто у меня странное предчувствие, что ты можешь наделать глупостей.

– Каких глупостей я могу наделать, Лиз? В худшем случае у меня просто разболится голова от перебродившего каберне, – я старался вести себя как можно более раскованно, чтобы сестра расслабилась, но оставался в рамках своей лжи.

– Не заливай мне про работу. Я знаю, что она здесь ни при чем. Делай, что считаешь нужным, я не буду тебя доставать, но мы так или иначе будем созваниваться.

Лиза сдалась, так и не зарядив залповые орудия гневных речей. У нее не было выбора. Приехать обратно и увидеть в моих глазах обман она не могла. У нее уже были запланированы несколько неотложных встреч, срыв которых загубил бы ее карьеру. Все что она могла сделать – лишь тяжело выдохнуть в телефонную трубку и пожелать удачи.

– Пообещай, что найдешь в себе силы вернуться к привычной жизни в ближайшее время. Это необходимо, маму уже не вернуть, ты это прекрасно понимаешь. И лишние раздумья, тем более в этих местах, не пойдут тебе на пользу.

– Хорошо, я тебя понял. Не беспокойся и помни, что я тебя люблю.

– Не выключай телефон, братец, до связи.

– Пока.

Все прошло не очень гладко, но гораздо легче, чем я ожидал. Не теряя решимости, я провел по экрану телефона и кликнул на строчку телефонной книги с именем Дэн. Разочарование последовало незамедлительно. Автоответчик оператора сообщил мне, что телефон абонента выключен. Скривившись в лице от досады, я сбросил вызов и начал продумывать план действий на ближайшее время.

Поездка до пункта назначения на автобусе отняла бы много сил и длилась бы минимум четыре часа. Но если я попробую арендовать автомобиль, время можно будет прилично сократить. Этот вариант имел преимущество в виде последующего комфорта в передвижениях. Я уже давно не водил машину, мой дом и работа находились в двадцати пеших минутах друг от друга. В остальные моменты я пользовался служебным транспортом. Однако мои почти просроченные права были со мной, и я очень хотел ими воспользоваться. В отношении денег никаких проблем вроде бы не наблюдалось. Кое-какие наличные у меня были при себе, кое-что томилось на банковской карте.

В комнате я открыл свой рюкзак и, пробежавшись по дому, набил его всем необходимым.

Время близилось к вечеру, а Дядя Антон не появлялся дома с самого утра. Он говорил, что уйдет на какое-то время, чтобы повидаться с внуками, и, видимо, скоро уже должен был прийти. Я решил встретить его хорошим обедом в честь моего отъезда и в надежде на то, что он вернется голодным, сварганил «болоньезе» на две персоны. Разливая вино по бокалам, я услышал, как хлопнула входная дверь, и в комнату неторопливо вошел дядя. Он на ходу скидывал с себя одежду, оставляя ее висеть на стульях, попадающихся на пути.

– Сынок, я думал ты уже уехал со своей сестрой! Неужели рейс отменили? – он немного закашлялся от удивления, но быстро поймал дыхание.

– Нет, я просто пока не еду домой. Хочу еще немного поразмыслить над всем, что произошло. А Лиза наверняка уже в пути.

– Зачем тебе лишние мысли? Я знаю, как ты любил мать, и понимаю, как долго ты будешь привыкать к тому, что ее больше с нами нет. Я и сам уже, наверное, к этому не привыкну. Но, Артур, я тебя помню с пеленок. Ты никогда не любил здешнее окружение, людей, климат. Тебе здесь сложно. Не стоит оно того, – он теребил жесткую щетину, подбирая слова, в которых я не нуждался. – Забылся бы в работе или завел симпатичную девушку. Зачем тебе ошиваться на отшибе со стариками и деревенщинами? – Он и вправду желал мне добра, и в другой ситуации эти слова повлияли бы на меня, однако все было не так просто, как ему казалось.

– Дядя, во-первых, присядь. Я приготовил макароны и сам помираю с голоду, давай поговорим за столом, – неуклюжим жестом забинтованной руки я указал на место, словно был официантом хорошего ресторана.

– О-о-о, – он протяжно выжал звук удовольствия и, хлопая себя по животу, стал усаживаться на поскрипывающий стул. На пораненную руку он даже не взглянул. – Эти сорванцы, мои внуки, вытянули из меня всю энергию, я развлекал их часа четыре, а это уже многовато для моего возраста.

– Кстати, как поживает Маргарита с детьми?

– Да, – махнул он рукой, – у них все хорошо, она трудится на кирпичной фабрике в бухгалтерском отделе. Дети здоровы, учатся в третьем классе, умные ребята.

– Бухгалтерия? Это можно расценивать как повышение?

– Да, с деньгами стало немного легче. Еще она недавно познакомилась с неплохим пареньком. Он молод, но работающий и, похоже, любит детей. Про того ублюдка, который оставил на ней следы своих кулаков, никто и не вспоминает. Может быть, только по ночам, да и то, каждый в своих собственных кошмарах. – Его ногти побелели из-за вжавшихся в столешницу ладоней, но он тут же расслабился. – Дети здоровы, а в этом возрасте большего и не нужно. – На его лице пребывало чувство гордости, он был рад, что его семья рядом и не уехала в большой мир, как сделали мы с Лизой.

Я почти ни разу не пересекался с его детьми и тем более с внуками. Так повелось, что хоть родственная связь между нами и была, превратить ее в нечто большее никто так и не решился. И вся их жизнь была для меня лишь очередной короткой историей от дяди или мамы.

– Я рад за них. Мы виделись на похоронах, но так и не удосужились нормально поговорить. Все же, мы так и остались чужими... Жаль, что в небольших семьях бывают такие пропасти между людьми, тем более без причин.

– Это жизнь. Черт ее разберет. Я ни на кого не держу зла и все прекрасно понимаю. Раз вас все устраивает, меня и подавно, – он насадил макаронины на вилку и сунул ее в рот. – Обосраться, какая вкуснятина!

Я громко хмыкнул от такого искреннего восхищения, и он в ответ засмеялся, открыв набитый пережеванной пищей рот. Мы ржали как бестолковые, и этот миг теплым отпечатком остался в моей памяти. Я был счастлив, что у него хватало сил и мужества смеяться в полный голос.

Помню, как он переехал к матери, когда не стало отца – хотел немного поддержать свою сестру в трудную минуту, но в итоге так и не смог оставить ее одну. Мучительная тоска по жене, которая месяцем ранее перестала бороться с раком, подтолкнула его к этому шагу. Таким образом, они с матерью разбавили свое горе друг другом и начали абсолютно новую и счастливую жизнь. Им нравилось жить вдвоем, мама всегда говорила, что пропала бы без брата. Ну а сам Антон не чаял души в сестре и старался сделать для нее как можно больше. А сейчас, в такой сложный момент, когда дяде снова пришлось ощутить горечь потери, в комнате стоял оглушительный гогот, который объявлял протест трауру и говорил, что жизнь продолжается.

– Дядя, я должен с тобой кое-что обсудить, – трапеза почти закончилась, и я наливал себе чай с лимоном (Лиза никогда не понимала, как можно пить чай после еды). Он сидел с задумчивым видом, допивая вино, и ждал, когда я продолжу, – дело в том, что я собираюсь уехать ненадолго, поближе к морю. Поселиться там в апартаментах и отдохнуть головой и телом.

– Боже, а я то думал, ты хотел остаться здесь! Это чудесная идея, Артур! В какую часть побережья думаешь отправиться? – он быстро сделал глоток, не отводя от меня глаз, всем видом демонстрируя заинтересованность.

Я поколебался несколько секунд, но все же выпалил:

– Хутор Джанхот.

– Необычный выбор. Хотя там очень спокойно в это время года. Это как раз то, что тебе нужно. А почему именно туда? Есть места и поближе.

– Да, я знаю, но это место посоветовал мне Дэн, мой приятель. И, возможно, мы будем скоро работать с теми районами – совмещу приятное с полезным, – я натянул улыбку.

– Вот оно что! Замечательно! Когда думаешь отчаливать?

– Честно говоря уже сегодня, думал взять машину в аренду. Не знаешь, где здесь можно это сделать?

– Артур, что ты несешь? Какая аренда!?! Бери мою старушку. Я закончил ее перебирать прошлым летом, она отлично держит дорогу и расстояние.

– Твою старушку? Ты хочешь сказать «старушку твоего отца»? – я поверить не мог, что он говорит о том, о чем я думал.

– Вся наша семья успела посидеть за рулем этого автомобиля, теперь я считаю его своим. Пойдем в гараж, что толку об этом говорить, – он встал из-за стола, сделал завершающий глоток и побрел в сторону деревянной ключницы в коридор.

Ворота в гараж распахнулись, и темнота озарилась солнечным светом. Дядя Антон щелкнул выключателем, и три лампочки добавили еще больше видимости. Я шагнул за порог и тут же почувствовал запах бензина и моторного масла. Вокруг все было аккуратно прибрано: на стеллажах лежали всевозможные инструменты и запасные детали, в углу стоял верстак со станками, рядом с которым стопкой лежали запасные колеса, на стене висела рабочая одежда и рыболовные снаряжения. В детстве я обожал здесь находиться, это была святая святых нашего деда, куда он не всегда позволял заходить. Оттого пробираться сюда было еще интереснее. Сейчас стены обшарпались, и доски на полу стали подгнивать. Но общая картина не сильно изменилась. Посередине было то, ради чего мы пришли – автомобиль, по которому я скучал, словно по старому верному псу. Он был обтянут плотным льняным тентом, и дядя Антон, недолго думая, сорвал его одним движением, словно Дэвид Копперфильд на шоу в Лас-Вегасе. Моим глазам открылся «Фиат Фамильяре» семьдесят второго. Его глянцево-голубой корпус, водной гладью переливался под светом ламп, а хромированные детали могли запросто заменить зеркало. Деду, каким-то невероятным образом, удалось приобрести итальянский оригинал в то время, как в Союзе уже во всю штамповали идентичные «копейки». Эта машина верно служила трем поколениям, а сейчас она была в ожидании автопробега по побережью, на этот раз со мной за рулем.

– Я несколько лет ее реставрировал. Но она не должна стоять в гараже, словно экспонат. Покажи ей, как изменились эти места, и каких монстров теперь носят наши дороги.

– Дядя, у меня нет слов. Она прекрасна.

– Я знаю. И хватит слов, давай наполним ее бак. Скоро стемнеет, нужно, чтобы ты успел привыкнуть к ней. Эта малышка иногда брыкается, – рассмеялся дядя Антон.

3

Я выехал затемно. Тучи на небе сгущались, превращаясь в огромные грязные валуны, будто бы вот-вот собиравшиеся рухнуть на землю. Вдалеке уже можно было разглядеть ливневые столбы, также не предвещавшие ничего хорошего. Воздух становился разряженным и свежим, легким потоком он залетал в приоткрытую форточку, обдавая лицо прохладой. На заднем сидении шуршали пакеты с едой. Я ехал, придерживаясь средней скорости, все же опасаясь незнакомых участков, да и погода не располагала к гонкам. В голове не витало никаких мыслей. Я решил, что на сегодня хватит раздумий на серьезные темы, поэтому, сосредоточившись на дорожном покрытии, просто поддался медитации. Ночь почти наступила, а вместе с ней на лобовом стекле начали появляться первые капли дождя.

Я вспоминал, как перед отъездом пробежался по всем ближайшим улицам, заглянул за заборы почти всех домов в округе. Прислушивался к тишине, в надежде услышать звон велосипедного звонка или знакомый смех. Ничего. Очевидно, Чакки, по какой-то причине решила, что видеться нам больше не нужно. Подсознательно я и сам это понимал, но объяснения этому найти не мог, а потому все же предпринял тщетные попытки отыскать ее.

Я представлял, как мы встретимся взглядами, и я неуклюже подойду к ней, не зная, как себя вести. Она бы сделала все правильно, взяв инициативу в свои руки, начав разговор с забавного подкола и рассказа о том, что она смотрела по телевизору. Затем мы бы, наверняка, прошли по лабиринтам близлежащих улочек, разговаривая о запредельных фантастических вещах, которые нас объединили. Я бы спросил про то место, куда собираюсь ехать,

а она вряд ли бы ответила что-то конкретное. Но немного погодя, посмотрела бы на меня и начала говорить: «Я знаю о существовании таких мест. Но что они за собой скрывают – мне неизвестно. Может быть, это что-то вроде участков на Луне, с более сильным притяжением – так же небрежно разбросанных по разным уголкам Земли, без какой-либо значимой цели. А может быть что-то более загадочное. Но раз твой друг лично предложил тебе в этом поучаствовать, предварительно испытав это на себе, значит, как минимум, это безопасно. А такое знание снимает определенный груз с плеч, не так ли? Что-же до Анны – мне кажется, она часть того, куда ты отправляешься. Какова ее настоящая роль во всем этом, ты мне сам потом поведаешь, я надеюсь. И помни, Артур, тебя ждут необъяснимые вещи, ломающие представление о привычном мире. Ты должен быть к этому готов, иначе свихнешься на раз-два. Я рада, что мы с тобой познакомились, и знаю, что это не последняя наша встреча. Но в ближайшее время мы не увидимся, ты должен прекратить обо мне думать и сосредоточиться на основной своей цели. Мне же делать нечего, так что пока буду думать о тебе. И, если получится – помогать. А сейчас мне пора. Есть еще кое-какие дела. До свидания».

Я вспоминал, как стоял в одиночестве на выходе к большой дороге и не мог сообразить, было ли все это взаправду, или же мое воображение снова чересчур разыгралось. Не собираясь над этим долго раздумывать, я окинул взглядом шоссе. Дорогу начинал заливать оранжевый свет, сигнализирующий о скором заходе солнца. Я развернулся, резко взял старт и помчался обратно к родительскому дому, где меня готов был подхватить запроваженный «Фиат».

Дядя обнял меня, пожелал хорошего путешествия и, в последний момент, закинул несколько бутербродов на заднее сиденье. Уже сидя в салоне, я перебрал в голове немногочисленный список вещей, которыми был набит портфель в багажнике. Похоже, все было на месте. Я повернул ключ зажигания, и выхлопные газы вырвались на волю. Мотор завелся с ревом и тут же взял приятный частотный диапазон. Я пару раз дернул педаль газа и начал трогаться, как вдруг дядя Антон замахал руками и скрылся в дверях дома. Через мгновение он выбежал с широкополой соломенной шляпой в руках.

– Чуть не забыл, погоди! – он запыхался и протянул мне головной убор в открытое окно. – Вылетело из головы – в машине нет козырька от солнца, я сломал его, когда мыл салон в последний раз. Так что держи эту шляпу, попомнишь меня добрым словом в яркие солнечные часы.

– Спасибо за заботу, дядя, – я взял ее и аккуратно положил на переднее пассажирское сиденье, – я думаю получится вернуться через пару недель, но, в любом случае, буду на связи.

– Конечно, Артур. Спокойной и быстрой дороги! Кстати, когда ты успел пораниться? – он кивнул на мою руку.

Я ответил на его вопрос доброй улыбкой, отсалютовал и плавно двинулся в сторону выезда.

И вот наконец, спустя три часа, я ехал в полной темноте по блестящему от дождя асфальту. Дворники совершенно не справлялись с ливнем, а на некоторых крутых участках дороги задний мост носило из стороны в сторону. Я сбавил скорость, подумывая о том, что при первой же возможности заеду в придорожное кафе и пережду непогоду на стоянке. Прижавшись к обочине, я включил аварийные огни и нащупал свой телефон. После несложных манипуляций передо мной открылось приложение навигатора, где я попытался найти ближайшее пристанище. Перебирая пальцами по экрану, я рыскал в поисках хоть каких-то придорожных комплексов: гостиниц, кафе, магазинов или хотя бы зон кемпинга. Ничего. Издевательски пустынная трасса, без свертков для маломальской возможности ополоснуть лицо, не говоря уже о том, чтобы справить нужду не как наши первобытные собратья. Здесь даже негде было дозаправиться.

– Дерьмо, – фыркнул я, убирая телефон вглубь кармана джинсов.

Стоять здесь, дожидаясь рассвета, было небезопасно – того и гляди, какой-нибудь ошалелый водила не успеет меня объехать, и мои приключения закончатся, так и не начавшись. Нужно было ехать дальше и искать какой-нибудь сверток, чтобы припарковаться.

Ливень не прекращался. Дорожные ограждения не давали мне свернуть в сторону и отдохнуть. Я чувствовал себя в капкане, и вся эта ситуация уже начинала выводить меня из себя. Капли дождя, поблескивающие от света фар, напоминали раскаленные искры и гипнотизировали.

Я ехал на автопилоте и уже начинал клевать носом, как вдруг, вдалеке мне показались яркие мигающие буквы. Из-за деревьев сложно было прочитать всю фразу, но видимые мне части «Мо...ль 24...» не нуждались в расшифровке. Через сто метров я наконец-то свернул в сторону, на разбитую лесную дорогу и бездумно направился к манящему свету, словно глупое насекомое.

На парковке машин почти не было. Я остановился как можно ближе к входу, чтобы не успеть сильно промокнуть. Однако знак «Места для инвалидов» все же вынудил меня отъехать на несколько метров назад.

Передо мной стоял приличный на вид, трехэтажный коттедж, на крыше которого возвышался деревянный щит с надписью, горящей диодным светом «Мотель Мечта: 24 часа».

– Вдохновляющее название, – я кивнул, подтверждая свои же слова, и, надев шляпу, побежал к входной двери, разбрызгивая лужи.

Подпружиненная дверь захлопнулась за мной сразу, как я оказался внутри. От хлопка, я вздрогнул и обратил на себя внимание девушки, которая только что увлеченно смотрела телевизор.

– Дикий запад? – незамедлительно произнесла она, направив на меня пульт от телевизора.

В памяти всплыли картинки из спагетти-вестернов, и я не смог не подыграть:

– Я ваш новый шериф, – я взялся за козырек двумя пальцами и еле заметно кивнул, многозначительно приветствуя ее, – мэм...

Она не выдержала и, раскрасневшись, засмеялась. Очевидно, девушка была здесь как дома, и ее внешний вид был тому подтверждением. Небрежно наброшенная легкая хлопковая рубашка (больше походившая на пижаму), один из рукавов которой был испачкан чем-то вроде засохшего теста. Удобные спортивные леггинсы выдавали наплевательское отношение к мнению окружающих – ее личный комфорт ставился на первое место. Влажные, но невероятно объемные волосы застилали спинку дивана (видимо совсем недавно она приняла душ). Девушка была совершенно миниатюрной, и оттого все ее женственные черты воспринимались в гипертрофированной форме. Она показалась мне чертовски красивой, и, засмотревшись на миловидное лицо, я на несколько секунд впал в ступор, пока ее голос меня не разбудил.

– Я уже думала, что этот идиотский день был прожит зря. Я ошибалась. Спасибо, что подняли мне настроение!

– Всегда рад помочь. Хотя, я всего лишь зашел в мотель, спасаясь от дождя, все остальное вы сделали сами.

– Просто мой отец коллекционировал игрушечных персонажей из фильмов, и у него была фигурка, похожая на вас, – девушка вновь смущенно прикрыла улыбку, но мне все же удалось разглядеть игривые уголки ее губ, – ковбой из старого вестерна. У него был такой же нелепый вид. Простите, я просто не могу сдержаться.

Она действительно старалась быть как можно более серьезной, но в последний момент все же сорвалась в искрящийся смех, заполнивший комнату.

– Плевать! Смейтесь, сколько хотите. Главное я в тепле и комфорте. Но, если честно, у меня крыша едет от этой дороги, – я снял головной убор и всем видом дал понять, что попросту не в состоянии поддержать ее настроение.

– Как непрофессионально с моей стороны, – она отложила пульт в сторону, приподнялась и отправилась за стойку с табличкой «Касса и регистрация постояльцев».

– Ничего, вышло довольно весело. Уверен, у меня получится выглядеть глупо и после того, как я отдохну.

– Вы очень милый, а я – Кэт, управляющая. Чем могу помочь?

– Артур, – я протянул здоровую руку и незамедлительно почувствовал теплую ладонь девушки в ответ на свой жест, – мне нужно помыться и переночевать. Не думаю, что я проделал слишком уж длинный путь, но с непривычки любая дорога покажется сложной, а такая и недавно.

– Ничего, вы отдохнете и завтра будете как новенький! – она заглянула в маленькую записную книжку и через минуту вновь подняла глаза на меня. – Итак, для людей вроде вас, шериф, у нас есть неплохие варианты. Комната с отдельным душем и туалетом, в цену входят завтрак и ужин. Выйдет всего две тысячи.

Я попытался посчитать, насколько это укладывается в мой бюджет, но не смог.

– Меня это устраивает, Кэт.

– Оплата сразу, но также необходим залог на сумму от пяти тысяч.

– Без проблем, – я достал из кошелька две тысячи и положил их на столешницу. Затем, немного замешкавшись, я положил рядом и сам кошелек.

– Как бескорыстно, – она, хихикая, убрала все в камеру хранения, находящуюся за ее спиной, и дала мне ключ от номера «17», – шестая дверь справа на втором этаже. Если будут возникать вопросы, я здесь, обращайтесь. Да, и еще, в шкафу на верхней полке лежит аптечка, – она взглянула на мою забинтованную руку, – если потребуется перевязка или обработка, я смогу помочь.

– Огромное спасибо, Кэт. Буду иметь в виду, но в любом случае, сейчас у меня нет сил даже на неотложную помощь самому себе.

Она проводила меня загадочным взглядом, на который я еле заметно отреагировал сдержанным кивком.

– Доброй ночи, ковбой.

– И тебе...

Увы, я был не в состоянии флиртовать с ней, хотя от нее и исходили скрытые намеки на продолжение беседы. Все, что меня сейчас волновало – это удобство кровати. Поднимаясь по лестнице, я оглядывался по сторонам, наблюдая явное несоответствие этого места его стоимости: обшарпанные стены, старые выцветшие картины советских времен, скрипучие деревянные полы и не внушающие доверия фанерные двери. Конечно, все было довольно ухожено, и из этого места старались выжать максимум уюта, однако даже до обстановки студенческого общежития было далеко. Все эти недостатки заставляли обращать на себя внимание, но мне было плевать. Я устал и хотел спать.

Продолжая шагать по коридору к своей двери, я слышал тьяканье собаки в одном из номеров. В другом раздавался сильный храп, который больше походил на звериный рев. Семнадцатый номер открылся без усилий. Я захлопнул дверь, и не раздеваясь, рухнул на кровать. Шляпа, упав с головы, прокатилась по полу и ударилась о плотные занавески. Постель была приятно прохладной и приняла меня в свои объятия с такой нежностью, о которой я и не мечтал.

Дождь стучал по подоконнику, но уже не так интенсивно. Собака все продолжала лаять, а человек храпеть. В этих условиях я спал так, как не спал уже очень давно. Но вскоре мне начал сниться сон, который уничтожил ощущение блаженства.

Я сижу за небольшим столиком, передо мной открыто меню на странице с напитками. Оглянувшись по сторонам, я не сразу понимаю, где нахожусь. Вокруг стены из кафеля бледно-

зеленого цвета. Стены невысокие, примерно моего роста. Сверху, на большой высоте чистая стеклянная крыша, сквозь которую пробивается солнечный свет. По периметру на каждой стене расположены хромированные лестницы. Тут до меня доходит, что я нахожусь в центре пустого бассейна. Хочу встать, но не могу. Тело мне не подчиняется. Я слышу стук каблучков, доносящийся сзади. Я оборачиваюсь и вижу, как вниз по лестнице спускается девушка. На ней костюм официантки, ее волосы аккуратно собраны, а на ее ладони уверенно балансирует поднос с чашкой кофе. Это Анна, я уверен, хотя и не могу разглядеть ее лица. Девушка подходит ближе и ставит передо мной маленькую чашку. Я смотрю на Анну и не могу узнать. Ее лицо искажено искусственной натянутой улыбкой, больше похожей на гримасу манекенов. Бейджика на груди я не нахожу. Вместо него я вижу значок из конверта Дэна. Он парит в невесомости вокруг девушки, словно спутник, не удаляясь и не приближаясь. Безжизненные глаза официантки направлены на меня, они не моргают и начинают краснеть и слезиться. Внезапно, я вижу еще один силуэт, стоящий на бортике. Это другая девушка, на ней купальник в горошек, ее волосы небрежно растрепаны. Возле уха она держит телефонную трубку и что-то в нее кричит. Вдруг я осознаю, что это моя сестра. Лиза разговаривает со мной. Официантка держит у моего уха телефон, в который я не по своей воле начинаю кричать:

– Лиза, вода прекрасная! Ты должна попробовать!

Я слышу, как она отвечает в трубку:

– Хорошо, но если она ледяная, ты пожалеешь!

– Я никогда тебя не обману! – мои связки разрываются от боли, я кричу, словно пытаюсь переорать турбину самолета. – Если не сейчас, то уже никогда, вперед! Прыгай!

Она разбегается и делает прыжок рыбкой. Уже через мгновение Лиза, будто тряпичная кукла, ударяется о кафель. Неуклюже развалившееся бездыханное тело начинает рисовать вокруг себя бордовое пятно. Трубка отлетела на несколько метров в мою сторону и искаженными гудками оповещает о сбое соединения.

Официантка изменяется в лице с точностью до наоборот. Ее лицо – это поддельная гримаса грусти, расстроенный «смайлик». Я не могу на нее смотреть, я беру в руки чашку и начинаю пить залпом, чтобы сбить приступ удушья. Вскоре рецепторы откликаются, и я тут же выплевываю выпитое – теплая черная жидкость, похожая на грязь, растекается по столу, впитывается в меню. Я вскакиваю... и просыпаюсь.

Несмотря на ужасы, которые мне пришлось пережить во сне, я, на удивление, выспался и был готов к дальней дороге. Прохладный душ и сытный завтрак прибавили мне еще больше энергии. Думать о том, что мне привиделось ночью, просто не хотелось. Это был глупый сумбур, собранный воображением из впечатлений за последние дни. Мелькала мысль позвонить Лизе и узнать, как ее дела, но я решил отложить этот разговор на потом.

После завтрака я поднялся в номер, чтобы убедиться, что я ничего не оставил и не потерял. Проходя по коридору, я обратил внимание, как Кэт терпеливо выясняет отношения в одном из номеров (по всей видимости, с владельцами собаки). Она увидела меня и вежливо улыбнулась. Я кивнул в ответ и прошел мимо в свою комнату. «Шикарная девушка», – подумал я. Ее образ шлейфом направился за мной: уверенный, но кроткий взгляд, чувственные губы, привлекательная линия подбородка, осанка, лодыжки. Я понял, что за короткое время мне в память врезалась каждая деталь, присущая этой девушке, и каждая эта деталь будоражила во мне чувство вожеления.

Дойдя до номера «17», я хлопнул дверью и стал рассматривать его, будто в первый раз. Здесь было уютно и чисто в отличие от того, что творилось на пути к нему. На солнечной стороне находилось большое створчатое окно с видом на бескрайний лес. Дешевая, но симпатичная мебель не перегружала комнату. Преобладающие светлые тона стен и легкий абажур дополняли общее впечатление. Я не знал, стоил ли он своих денег. При отсутствии конкурен-

тов, видимо, стоил. На стене висели часы, которые показывали девять утра. Я поднял свою шляпу с пола. Она была влажная, такая же, как и одежда на мне, до сих пор пропитанная ночным дождем. Подойдя к двери, я дернул за ручку и увидел Кэт, которая вот-вот намеревалась постучать.

– Я чувствую, когда лучше открывать двери, не утруждай себя отбивать костяшки.

– Я хотела зайти, извиниться за неудобства – идиоты из шестнадцатого заперли собаку на всю ночь, а сами уехали развлекаться. Получилось выспаться? – она сожалеюще поджала губы и ждала ответа.

– Знаешь, там в восемнадцатом живет динозавр из парка юрского периода. Признаться честно, собака по сравнению с тем мужиком – шепот ветра. Его храп наверняка повредил фундамент. Но, в любом случае, я выспался, беспокоиться не стоит.

– Значит, я зря ругалась на кинологов, – она засмеялась. – Если динозавр сегодня не высежится, предупрежу постояльцев, чтобы не допустить паники. Ты уже собираешься уезжать?

– Да, мне пора в путь. Не хочу провести еще одну ночь в поисках придорожных мотелей.

– Там дальше их будет полно. Сама не понимаю, как мне удается все еще оставаться в этих краях одной.

– То есть ты владелец этого места?

– Да, здесь у семьи моей матери был небольшой загородный дом. Позже, когда она сошлась с отцом, они организовали здесь ночлежку и кемпинг. А со временем мне удалось сделать из него гостиницу. Иногда я экономлю на персонале и управляю всем сама.

– Звучит отлично, – я поправил шляпу, пытаюсь найти слова. – Знала бы ты, как мне хочется остаться и насладиться компанией такой симпатичной управляющей.

– Это смелое, но милое заявление, – Кэт покраснела, – оставайся, Артур, я бы с радостью приняла все твои предложения.

– К сожалению, не могу. Время не ждет.

– Ну, тогда сдавайте ключи от города, шериф, я прослежу за порядком самостоятельно, – она протянула руку и встала в стойку крутой девчонки, выдвинув бедро в сторону под ненормальным углом (эдакое киноклише).

– Ты чудо, – слова сами слетели с губ, – и я не хочу отпускать тебя раньше времени. Проводишь меня до машины? Мне предстоит долгая дорога в компании самого себя, а ты скрасишь хотя бы начало моего пути.

– Вперед, Артур. Тем более мне нужно отдать тебе залог, про который ты, похоже, уже забыл.

Наша прогулка до машины затянулась на полтора часа. Кэт заговорила меня, и я поддался ее чарам, наплевав на время. Мы не лезли в личные темы, просто обсуждали интересы друг друга, музыкальные предпочтения и другие общепринятые темы. Это походило на первое свидание. Я рассказал о своей работе и о жизни в большом городе. Она выслушала и перевела тему на своего кота и его забавные повадки. А затем вспомнила про знакомого парня, который является совладельцем маленькой винодельни, и сказала, что наше знакомство могло бы принести плоды. Однако, я не был готов к незапланированным встречам и отказался от предложения.

Я наслаждался каждым ее движением. Смотрел на плавные жесты рук, на мягкую походку и на внезапно вздымающуюся грудь, когда от большого количества слов заканчивался воздух. Я невольно сравнивал ее с Анной, хотя это было нелепо. Задним числом я даже ставил ее рядом с Чакки, что было еще более глупо. Так или иначе, эта девушка меня увлекла, и я мечтал остаться с ней на гораздо более длительное время, нежели нам было отмерено на сегодня.

– Своим неожиданным появлением и быстрым отъездом ты, сам того не желая, распланировал мой вечер, – в ее голосе звучали загадочные нотки.

– Вот как? И чем же ты сегодня займешься?

– Закроюсь в одном из номеров и буду опустошать винные бутылки. Может быть, даже испеку шарлотку. А это, знаешь ли, одна из моих траурных традиций.

– Не преувеличивай, – рассмеялся я, – я не тот человек, по отъезду которого стоит горевать. Тем более, ты меня совсем не знаешь.

– В этом и проблема. У меня дикое желание исправить это недоразумение. После приема пенсионеров-путешественников, дальнобойщиков и местных бродяг появление симпатичного ковбоя – просто манна небесная. Знак того, что этот шанс не стоит упускать.

– Возможно, есть что-то судьбоносное в нашей встрече. Ведь еще три дня назад я и понятия не имел, что меня занесет в эти края.

– Вот видишь, – ее губы хоть и наигранно, но все же довольно правдоподобно начали дрожать, как у ребенка, который вот-вот заплачет. – Не уезжай, Артур. Сегодня, ко всему прочему, годовщина смерти моей подруги детства. Я сойду с ума, если останусь здесь одна.

– Кэт, мне очень жаль. Я сочувствую. Но, пожалуйста, пойми меня правильно.

– Прости, я дура. Какое право я имею давить на тебя?

– Все хорошо, – я приблизился к ней и обнял, с силой прижав к себе, – это не последняя наша встреча, обещаю.

Я побрел в сторону машины и слышал, как шаги Кэт сопровождают меня позади.

Подойдя к «Фиату», я остановился и вдохнул аромат прошедшего дождя. День обещал быть теплым и солнечным. Небо освободилось от облаков, его насыщенный голубой цвет заставлял меня предвкушать приятную поездку. Кэт стояла в моей тени, дожидаясь, когда я закончу принимать солнечные ванны.

– Кстати, – я, наконец, отвлекся и посмотрел на нее с надеждой в глазах, – у тебя случайно нет знакомых в Джанхоте?

– Ты едешь в Джанхот?! – ее голос звучал как никогда звонко и даже слегка меня оглушил.

– Да, а что в этом такого?

– Ты шутишь? Я там живу! – ее восторг был смешан с недоумением.

– Вау, – только и смог проронить я. Новость меня ошаршила, я не понимал случайность это или очередная изворотливая уловка высших сил. – Знаешь, меня пугают такие совпадения.

– А меня они немного возбуждают. И надолго ты туда едешь? – по ее голосу было ясно, что свой план она уже разработала.

– Честно говоря, мой график пока не распланирован.

– Хм... Я могу помочь тебе с жильем, если хочешь. Мои смены заканчиваются через десять дней, поэтому я останусь здесь, а ты пока обживешься. Дам тебе ключи от дома, но ты обязан меня там дожидаться, что скажешь?

– Интересное предложение, – я задумался.

С одной стороны, я не видел трудности взять в аренду жилье у местных. Но лишние глаза и сторонний контроль в столь маленьком городке были мне ни к чему. Тем более, я не знал, что меня ожидает. Здесь же был вариант просто слиться с толпой, как ни в чем не бывало, заселившись в пустующий дом. А учитывая тот факт, что Кэт была девушкой, с которой я бы с удовольствием еще не раз встретился, выбор был очевиден. За десять дней я точно со всем разберусь и не втяну ее в свою историю. Мне не нужно, чтобы она считала меня сумасшедшим. В крайнем случае, я просто исчезну. Риск был минимальный, а плюсов выходило гораздо больше.

– Ну, так что скажешь, шериф? – она вновь включила образ наглой роковой женщины, хотя я уже успел разглядеть в ней совсем другого человека.

– Я согласен, Кэт. Я заплачу аванс сейчас и дождусь тебя, чтобы...

– Никаких денег, ты мне нравишься, и я тебе доверяю. Я даже не буду докучать тебе вопросами о том, что ты забыл в нашей стороне. Просто помогу, чтобы увидеть тебя еще раз...

– Я еду туда по работе, – все же солгал я, – мы обязательно увидимся и договоримся о цене, пусть даже не в денежном эквиваленте.

– Артур, ты к чему клонишь? – улыбчиво спросила девушка.

– Это сюрприз. Ну все, мне пора.

– Подожди секунду, я принесу ключи, – она побежала в сторону мотеля. Я наблюдал за ее забавным, абсолютно девчачьим бегом и в памяти, словно картинки, всплывали моменты с точно так же убегающей в дом маленькой Лизой.

Чудесные воспоминания: теплые, светлые, личные.

В детстве у нас была традиция: в хорошую погоду отец вытаскивал проигрыватель с колонками во двор и расставлял шезлонги. Иногда на маленький раскладной столик он ставил шахматную доску, и мы устраивали небольшие семейные турниры. Мы слушали его музыку с утра до вечера, лежа на шезлонгах и попивая виноградный морс. Он всегда говорил, что с солнечным светом искусство усваивается лучше. У нас не было сомнений в его правоте. Мы лежали с закрытыми глазами, будто на сеансе гипноза, и впитывали классические мелодии рок-хитов вроде Битлз, Дип Пепл, Лед Зепплин и других. Часто, когда пластинка заканчивалась, моя сестра, не медля ни секунды, срывалась и бежала в дом за следующей. Я смотрел ей вслед и мысленно угадывал, что она выберет на этот раз. Иногда я искоса бросал взгляд на отца, который в эти моменты смотрел на свою дочь с особой любовью.

Сейчас я ощущал себя любящим отцом, а исчезающая в дверях мотеля Кэт была девчонкой, которая скоро принесет мне «винил», а вместе с ним и новые неожиданные краски жизни.

Я отвлекся от воспоминаний и подошел к багажнику «Фиата». Одежда на мне уже почти высохла, но я все же решил порыться в портфеле и надеть новую майку. Когда я посмотрел на дверцу, внутри меня все рухнуло, я сухо кашлянул от испуга – багажник был не заперт. «Впопыхах, я не закрыл его ночью, а может быть, даже ехал с открытым всю дорогу», – подумалось мне. Конечно, вероятность кражи была мала, но у меня было плохое предчувствие. Я с недоверием дернул за ручку. Тревога была ложной – все лежало на своих местах, в точности так, как было уложено перед отъездом. На всякий случай я сунул руку в карман с письмами и тут же отскочил на пару шагов назад, выбросив на пустую стоянку несколько ругательств:

– Что это еще за дерьмо, блядь...

– Что у тебя там? Дохлая крыса? – Кэт уже стояла рядом, перебирая связку ключей.

– Честно говоря, кое-что похуже, – я смотрел внутрь багажника и не верил своим глазам – из полуоткрытого кармана рюкзака выглядывала оправа фиолетовых очков Чакки.

– Расскажешь? – Кэт начала обходить автомобиль, но я опередил ее и быстро хлопнул дверцей.

– Там нет ничего интересного.

Она с недоверием нахмурила брови, и я продолжил:

– Послушай, я скажу честно. На самом деле, мне есть что скрывать, и когда мы увидимся с тобой через полторы недели, я все тебе расскажу. Но пока у меня самого много вопросов и делиться ими в этой обстановке я не готов. Просто поверь, что так будет лучше.

– В Джанхот по работе... – она покачивала головой, всем видом выказывая недоверие. – Вот ключи, – Кэт протянула мне увесистую связку, – дом в самом начале Черноморской, единственные желтые ворота в округе. Зайди к моему соседу Ивану Карловичу, оповести о приезде, чтобы он не поднял шум. Скажи, что ты мой приятель, и попроси, чтобы он отдал тебе моего кота. Я оставляю его там, когда долго отсутствую, но раз уж дома кто-то будет... В общем корми его два раза в день и можешь отпускать на прогулки, он самостоятельный.

– Я твой должник, – я прильнул губами к ее щеке и почувствовал напряженные мускулы лица, – спасибо.

– Чувствую себя наивной дурой, – она улыбнулась, – но в то же время я ощущаю, что это одно из самых правильных решений, что мне доводилось принимать.

В моем багажнике волшебные очки, а сам я направляюсь в волшебный бар.

– Я очень на это надеюсь...

Моя шляпа легким взмахом руки села на макушку, и произошло неизбежное перевоплощение в шерифа:

– Мэм, ваше благополучие для меня на первом месте. Я уезжаю, но сердце оставляю в ваших руках.

– До встречи, Артур. Уж не знаю, ковбой ты из отцовской коллекции или бравый мушкетер, но на героя моего романа ты похож очень сильно.

– Надеюсь, ты не ошибаешься, ведь иначе это разобьет мне сердце.

– Вот визитка мотеля. Звони по этому номеру, когда доберешься, – она протянула белую карточку, которую я тут же сунул в задний карман.

Мы снова обняли друг друга, и я ощутил мягкую бархатистую влагу ее губ на своих губах. Не размышляя ни секунды, я поцеловал ее в ответ. Она не сопротивлялась, даже напротив, прильнула еще ближе. Прервав нежное прощание, мы оба покрылись скромной краской и улыбались, как неопытные подростки на школьном вечере.

– До встречи, Кэт.

– До связи, Артур.

Я завел мотор и, просигналив пару раз, поехал в рошу, скрывавшую лесную дорогу. Кэт еще какое-то время мелькала в зеркале заднего вида, но вскоре пропала, и я вновь остался наедине с самим собой.

Шляпа не спасала меня от высоких солнечных лучей, проникающих через лобовое стекло. Мне приходилось хмурить брови и напрягать веки, чтобы спрятать свои восприимчивые к свету зрачки. Дорога периодически виляла и давала мне отдыхать от этого напряжения. Глядя по сторонам, я созерцал живописные виды природы: зеленые луга, на которых паслись стада коров, бесконечные ряды яблочных насаждений, ковры набирающих цвет подсолнухов и беспокойные горные реки. Все это наполняло меня жизненной силой. Городская суэта выжала меня, а сейчас я впитывал необходимую и забытую энергию красоты.

Вдруг меня осенило, я будто был в отключке, а сейчас кто-то нажал кнопку включения. Все, что крутилось у меня в голове, можно было выразить лишь одним словом, которое лезло наружу, словно мыльная пена изо рта. Не в силах сдерживаться я выдавил его:

– Чакки.

Тут же я ударил по тормозам и свернул на обочину, даже не убедившись, что сзади меня никого нет. Я вышел из машины, не захлопнув дверь. Казалось, любое лишнее движение потратит мое время и силы, которые были мне необходимы. Я рывком открыл багажник и достал из портфеля ее очки. Не в силах держать их в руках я положил их на крышу «Фиата» и отошел на большое расстояние, после чего попросту замер, будто ожидая какого-нибудь фейерверка.

– Зачем ты это сделала? Неужели, по-твоему, у меня мало вопросов? К чему подливать масло в огонь? – я болтал сам с собой в полный голос, пока не начал обращать на это внимание, после чего тут же замолчал.

Паранойя мне ни к чему. Это всего лишь очки. Просто предмет коррекции зрения. При чем он чужой, и именно поэтому я положу его подальше, чтобы не сломать. А при первой возможности – верну. Да, пожалуй, это будет наиболее рациональное решение.

Я подошел к машине и поднял их с гладкой голубой поверхности. Очки были легкими и крепкими. Стекла не имели никакого искажения, кроме цветового. Я покрутил их, разглядывая со всех сторон, взялся за дужку (которую Чакки перебирала пальцами) и надел их на себя. «Кого я обманываю? Раз она положила их в мою сумку, она хотела, чтобы я их примерил», – убеждал я сам себя.

Я оглянулся по сторонам в поисках необычных явлений. Кроме антибликового эффекта ничего не было. Диоптрии, которые бы напрягли мои глаза, отсутствовали. Я видел идеально, и никаких физических неудобств не ощущалось. Я снял их и, сев в машину, положил на приборную панель, зафиксировав дужки в прорези воздуховода печки.

Спустя какое-то время я ехал дальше, напевая мелодию из дурацкой рекламы чистящего средства. Иногда я поглядывал на фиолетовую оправу и пытался понять логику действий ее хозяйки: «Зачем эти игры? – не утихал в голове вопрос, – я искал Чакки перед отъездом, а она, тем временем, провернула операцию по внедрению инородного объекта в мою машину. Неужели нельзя было нормально поговорить?» – размышлял я. Похоже, ее ребячество было попросту естественным явлением. Переходный возраст – когда ты элементарно не знаешь, как вести себя в определенной ситуации. По телевизору говорят одно, родители говорят другое, учителя – третье. Что можно, что нельзя, и как сделать правильный выбор? Мы все это проходили и все прекрасно понимаем, что взросление – это непросто. Возможно, я пробудил в Чакки определенный интерес, может быть, даже раскрыл женские инстинкты, которые раньше были ей неизвестны. То объятие у сливового дерева было проявлением близости и доверия. А на фоне предстоящих «приключений» это могло восприняться ею еще более искаженно. Однако в силу возраста, она просто не знала, как себя вести. Она хотела помочь, но не хотела, чтобы я видел, какое значение это для нее имеет. *Ох, уж эти дети.*

Близился вечер. Судя по электронной карте на моем телефоне, я проделал большую часть пути, и оставалось всего ничего. Машина сожрала почти весь бензин, да и мой желудок не отличался оригинальностью и требовал питательной энергии. Я свернул под знаком населенного пункта, даже не прочитав название. Моей целью были лишь заправка железного коня и перекус в кафе. Первое не заставило себя долго ждать. Я залил полный бак на первой попавшейся АЗС и начал поиски местечка с аппетитным названием.

Городок оказался еще меньше, чем я мог ожидать. По-видимому, его пересекала одна единственная улица, и ее небольшая протяженность давала возможность бегло пройтись глазами по всем магазинам, парикмахерским и заведениям общественного питания.

Мой выбор пал на небольшое кафе, которое носило название «В гостях у Луизы». Внутри меня приняли тепло: каждый из молодых официантов (по большей части мужского пола) посчитал своим долгом приветственно натянуть улыбку и почтительно кивнуть. Вокруг царил уютная домашняя обстановка. Посетители спокойно ужинали, не обращая ни малейшего внимания на движения, происходившие вокруг. Я не стал выискивать место, просто прошел в сторону окна, чтобы видеть парковку.

Когда я уселся на мягкую зону «на четверых», надо мной уже склонялся коренастый загорелый официант, протягивающий мне плотный буклетик, в котором разместились все предложения их кухни. Немного подумав, я ткнул пальцем в некоторые из пунктов меню: отбивная в сливочном соусе, две порции жареной картошки с разбитым в нее яйцом, стакан томатного сока.

– Благодарю за заказ, через десять минут все принесут, – он улыбнулся и исчез.

Где-то в стороне кухни я услышал названия блюд, которые заказал. Начавшееся вскоре шипение свидетельствовало о том, что процесс пошел, и это не могло не радовать, так как я изнемогал от голода.

Я сидел за столиком, наблюдая за посетителями и обслуживающим персоналом. Загадочная Луиза с вывески перед входом так и не попадалась на глаза. Мне вдруг представилась странная картина: королева Луиза сидит в подсобном помещении на огромном троне, украшенном гигантскими листьями салата, молодые официанты прислужливо подходят к ней и снисходительно передают заказы, которые она, в свою очередь, исполняет силой «кулинарной» мысли. Вокруг жрецы, готовые выполнить любое ее поручение, и охрана в золотых доспехах, стоящая у дверей с надписью: «Вход для персонала (только в бахилах и чепчиках)».

– К сожалению, томатного сока нет, – официант выдернул меня из странной фантазии и снова стоял надо мной, изображая сожаление. Я слегка замешкался от его неожиданного появления.

– Простите, а где Луиза? – неожиданно для самого себя поинтересовался я.

Мое замешательство, словно заразное, пристало к лицу коренастого паренька, и он промолвил:

– Луиза? Но Луизы не существует. То есть она существует – это жена нашего директора, но она здесь не работает. Вам позвать менеджера?

– Нет, что вы, никого не нужно... Налейте любой, кроме апельсинового.

Всемогущая Луиза – всего лишь часть моей фантазии, очень жаль...

Парень снова скрылся, и я повернул голову к окну. «Фиат» смотрел прямо на меня и ожидал возвращения водителя. Очки Чакки выглядывали из-за приборной панели, скромно напоминая о себе. Создавалось ощущение, что они собираются завести машину и, хорошенько разогнавшись, протаранить этот славный кафетерий со мной внутри. Тут же в памяти всплыл сегодняшний жуткий сон, и я вспомнил, что хотел позвонить Лизе. Я прошелся пальцами по экрану телефона и стал слушать длинные гудки.

– Алло.

– Привет, Лиз, как ты долетела? – я был рад ее голосу. Казалось, я не слышал его вечность.

– Здравствуй, братик! Все нормально, полет прошел быстро и безболезненно. Сейчас готовлюсь к завтрашней встрече, штудирую свои заметки.

– Хорошо, – я уже узнал все что хотел – она была в порядке, и продолжить разговор оказалось не так просто. – Мне приснился плохой сон, вот я и забеспокоился.

– Вот оно что. С каких это пор ты начал обращать внимание на дурные сны? Где ты сейчас?

– Дядя Антон одолжил мне свою машину, – я поправился, – нашу машину. Помнишь тот голубой «Фиат»?

– Он еще на ходу? Я потрясена. Гоняешь по дворам?

– Вообще-то я уже второй день в пути, сейчас остановился отдохнуть в одном кафе и, честно говоря, даже не знаю, где нахожусь. Просто свернул с дороги, перекусить.

– Если ты думаешь, что я осталась довольна твоими сказками про рабочий выезд, ты ошибаешься. Выкладывай, что у тебя на уме.

– Признаю, что недооценил твою проницательность. Тебя непросто провести. И сейчас я не стану юлить и врать тебе, скажу, как есть на данный момент.

– Я внимательна.

– Я еду в Джанхот – небольшой курортный хутор у моря. Мне нужно уединиться ненадолго и подумать о некоторых вещах. Смерть мамы толкнула меня в сторону, в которую я раньше даже не смотрел. Все что я говорю – правда, но сказать подробнее я не могу. Так будет проще. Можешь быть уверена, что поводов для беспокойства у тебя нет.

Она внимательно выслушала меня и кашлянула, подготавливая голос к серьезному ответу:

– Делай, что считаешь нужным. Но волноваться за тебя я не перестану.

– Лиза, – я помедлил, обдумывая упоминать ли про Кэт.

– Да?

– Я люблю тебя, и мне пора, человек принес тарелку с едой.

– Тогда до связи, братик. Удачи в постижении самого себя. И приятного аппетита.

Парень в белоснежном фартуке, оголив такого же цвета зубы, направлялся в мою сторону. В руках он держал горячее блюдо, которое он, с неподдельной радостью, стремился поскорее представить моему взору.

– Ваша жареная картошка, прошу. Отбивная на подходе, еще пара минут, и наши ребята ее сделают.

– Что ж, надеюсь, они справятся.

Он был довольно странный, но, тем не менее, вполне доброжелательный, хотя его любезность уже начала надоедать. Мне пришлось посмотреть на парня с долей настойчивости, чтобы удалить его из зоны своего комфорта. Как только он ушел, я с истинным наслаждением приступил к поеданию гарнира.

Порции Луиза выдала отменные. После такого сытного обеда передвигаться было тяжело, и дорога от кафе к машине казалась вечной. Я убрал кошелек в задний карман, мысленно пересчитав наличные. По доброте душевной я оставил лишнюю пару сотен официанту и считал, что такой бонус с одного посетителя вполне приемлем.

Сев за руль, я взглянул на экран почти разряженного телефона и перешел в «навигатор». До конца маршрута оставалась пара часов, и я успевал прибыть засветло. Ключи от дома Кэт валялись на переднем сидении, напоминая мне о ее идеальной улыбке, мягкой походке и сильных густых волосах. У меня возникло до боли жгучее желание обнять этого человека. Прямо сейчас. Прижаться к ее телу и впитывать аромат ее духов, пока этот запах не сольется с моим. Я вдруг захотел развернуться и послать все к чертям. Вернуться назад, вытащить ее из этого одинокого захолустья и уехать вместе далеко-далеко, забыв обо всем.

Все эти сцены из дешевых мелодрам бесследно растворились, когда мне на глаза снова попались фиолетовые очки. Они притягивали меня к себе, я это чувствовал и не мог сопротивляться. Я мог бы выкинуть их на асфальт этой парковки, и одной загадкой стало бы меньше. Но вместо этого рука потянулась в их сторону, и вот я уже смотрел в зеркало заднего вида, наблюдая там свое лицо с идиотской оправой на носу. Я больше походил на придурка, собравшегося на маскарад, чем на преподавателя энологии. Тем не менее, снимать я их не стал, а просто провернул ключ зажигания и тронулся в сторону пункта назначения.

Дорожная разметка успокаивающе мелькала, забегая под колеса «Фиата». Сквозняк, залетающий в форточку, приносил с собой равномерный гул, который расходился по моей голове мягкой музыкальной вибрацией. Линзы, сквозь которые я наблюдал дорогу, приятно фильтровали яркость окружения. В эти минуты я находился в состоянии полной безмятежности и надеялся оставаться в нем до конца пути. Поля винограда сменялись полосами леса, а затем и они постепенно растворялись, наконец давая возможность взглянуть на могущественную стихию спокойного моря, сливающегося с горизонтом.

Я осознал, что мой скромный автопробег подходит к завершению, а это означало, что начинается новая глава моих приключений.

Я потянул плечи и зажмурился от появившегося облегчения в мышцах. Открыв глаза, я успел заметить, как справа от меня промелькнул красный дорожный знак. Не придавая этому значения, я ехал дальше, придерживаясь прежней скорости. Вдруг вдалеке показался еще один красный знак. Сократив расстояние, я прочитал большие белые буквы «СТОП» и пролетел мимо. «Странное предупреждение для прямой автострады», – подумал я. Никаких преграждающих путь объектов я не наблюдал: ни железной дороги, ни ремонтных работ поблизости не было. Не успел я опомниться, как вновь увидел восьмиугольный запрещающий сигнал, а за ним еще несколько.

– Что это еще за шутки? – тихо промолвил я.

Вдоль линии дороги знаков становилось все больше и больше. Чем дальше я проезжал, тем плотнее друг к другу они располагались и, по-видимому, не собирались заканчиваться. Линзы очков начали превращать недавно цветущее окружение в пасмурный мрак, увлекающий несчастный голубой «Фиат» в свою бездонную, источающую ужас, пасть. Растения пожухли,

жаркое марево сменилось холодным туманом, а дорожное полотно будто закручивалось в бесконечную спираль, отчего мне становилось не по себе.

Я продолжал движение, а красные таблички частоколом провожали меня вдоль дороги. В конце концов, началось красно-белое мельтешение, и я почувствовал, как картошка Луизы просится наружу. Я встряхнул головой и вдавил педаль газа в пол, будто стараясь пробить стену этой странной магии.

– Я не остановлюсь, вашу мать! – мой крик заполнил салон и стал неожиданностью для меня самого.

Мои пальцы случайно зацепили рычаг включения дворников, и произошло невероятное – тонкие щетки чудесным образом стали очищать лобовое стекло от сумрачной погоды, возвращая пейзажу за окном привычный солнечный облик.

Через мгновение я увидел, что вдалеке знаки заканчивались, а за последним из них стоял человек с протянутым большим пальцем. У него были длинные волосы, которые развевались на ветру. Черная толстовка с капюшоном, джинсы, кеды. По мере приближения я замечал больше и больше деталей, пока вдруг меня не осенило. Это была она. Чакки.

– Черт меня дери, этого просто быть не может...

Подъезжая к последним знакам, я замедлился и притормозил прямо напротив нее. Девочка подошла к пассажирской двери, и я потянулся, чтобы вытащить защелку, но не успел. Чакки дернула за ручку, беспрепятственно открыв дверь, и незамедлительно села в машину, как ни в чем не бывало, обратившись ко мне:

– Выглядишь глупо.

– Что? – у меня просто не было слов. Состояние можно было описать как сильный удар под дых, только вместо боли по телу разливалось недоумение.

– Я говорю, ты выглядишь как придурок. У тебя вид идиота. В этой шляпе, еще и с моими очками, – она хихикнула.

– Я понял тебя, я имел в виду... Как ты здесь... Что ты здесь делаешь? И вообще, что сейчас произошло? – я осознал, что на мне все еще были эти чертовы очки. Казалось, они прибавили в весе несколько килограмм, и моя переносица вот-вот треснет.

Я потянулся к оправе, чтобы сбросить ее, но Чакки меня остановила:

– Нет, стой. Не трогай. Ты видишь меня только благодаря им.

– Боже мой, – я нервно одернул руку, – я так и знал. Почему все так сложно? Что за представление сейчас было на дороге? Откуда все эти стоп-сигналы?

– Прости, я забыла распечатать инструкцию, – в ее голосе слышались саркастичные издевательские нотки. – Я понятия не имею, что ты видел, эта вещь индивидуальна. И вообще, ты нацепил их, будучи за рулем! – Чакки начала повышать голос. – Ты мог поймать такие галлюцинации, после которых твои кишки размотало бы на несколько километров вперед! Как тебе в голову пришло надеть их за рулем автомобиля?

– А тебе не приходило в голову предупредить меня об их возможностях? Да я даже представить не мог, что они имеют такой эффект!

Она опустила голову и выдохнула:

– Возможно, я посчитала, что ты более подготовлен. Я действительно виновата. Но зато все получилось, – она широко улыбнулась, – ты видишь меня, а это значит, что эксперимент можно считать удачным.

– Я не понимаю. Ты реальна, ты не какая-то голограмма. Как это происходит?

– Артур, это сложный механизм, и я сама не понимаю, как у меня получается здесь находиться. Я такого еще не делала. Но я здесь и чувствую все вокруг, каждую деталь, – она провела пальцами по стеклу, затем пощупала пластиковую дверцу бардачка, – я чувствую твоё дыхание, пыль в салоне, тепло солнца, но в тоже время – я в своей комнате. Вот мой стол,

вот моя книга, которую я читаю прямо сейчас, лежа на своей кровати. И все это происходит одновременно. Поверь, я себя ощущаю не менее странно, чем ты.

– Хорошо. Я правильно понял, что сейчас ты здесь не по своей воле?

– Абсолютно. Это ты меня сюда притащил. Хотя я, конечно, не отказалась бы составить тебе компанию.

– Это круто. Действительно круто. По жизни я скептик и реалист, но когда происходит такое, – из меня вырвался нервный смешок, – приходится плевать на все законы физики. Вот только чем заполнить образовавшийся пробел... Ты не против, если мы поедем и поговорим по пути? Я планировал приехать в Джанхот до заката.

Чакки кивнула, и мы неспешно тронулись с места.

Я держался совершенно невозмутимо. Все недавние переживания куда-то ушли. Возможно, в этот момент у меня началась стадия принятия. Или просто мой мозг был так перегружен последними событиями из разряда «не объяснимо, но факт», что блокировал лишние волнения, даже не спросив моего мнения. В любом случае, я продолжал двигаться. И пусть на моем пассажирском сидении находился призрак шестнадцатилетней девочки, я продолжал двигаться.

Быстрой езде я предпочел размеренное вождение. Мы проехали скучную, не гостеприимную стелу, обозначившую границу моего местонахождения на ближайшие десять дней (как мне казалось). Чакки без умолку лепетала на всевозможные темы, которые я мог смело пропускать мимо ушей. Но когда речь зашла о ее жизни, мое внимание сразу устремилось в сторону рассказчика. Я наконец-то узнал, что она жила в доме своего отца, через одну улицу от дяди Антона. Ее отец был военным и часто находился на службе. Этот факт послужил причиной того, что ее мать уехала из города с любовником в направлении северной столицы. Все связи с матерью были принципиально разорваны. Обида девочки переходного возраста – это обида навсегда, тем более, когда дело касается предательства родителей. Чакки была очень самостоятельным ребенком. Об этом говорили и учителя в школе, и соседи, и, конечно же, так думал ее отец, который был безмерно рад такому качеству дочери. «Он неплохой человек и любит меня, но прививать чуждое ему чувство заботы уже поздно. Он не приемлет проявления отцовских чувств, даже к своему единственному ребенку», – говорила она. В любом случае, ей было комфортно одной – наедине с собой и своими мыслями. В таких условиях проходило ее детство, не предвещавшее вселенских перемен в жизни. И, тем не менее, однажды они наступили.

В один из привычно обыденных дней Чакки (хотя тогда ее звали иначе) гуляла по центральной части городка. На тот момент ей было одиннадцать лет, и она скопила немного денег, пропуская школьные обеды, чтобы необычно провести досуг в выходные дни. Гуляя по именитым улицам, она, не переставая, ела мороженое, забегала в игровые автоматы, ходила по книжным лавкам, любуясь на интересующую ее литературу. День проходил гораздо лучше, чем она могла представить. Глупые прохожие суетливо бегали со своими проблемами, озабоченно выпучивая глаза, а маленькая девочка с интересом наблюдала за этими людьми, радуясь теплой погоде и холодящим ощущениям во рту. Когда она нырнула в очередной закоулок, ей на глаза попался бездомный пес.

«Я затаила дыхание и огляделась по сторонам в надежде на то, что никто его не спугнет. Это была старая оборванная дворняга, давно возненавидевшая весь белый свет. Но мне она показалась милой: большие уши, шустрые глазки-пуговицы и светло-рыжий окрас. Она с деловитым видом спешила по своим делам, уверенно семеня лапами. Я заинтересовалась и решила проследовать за ней. Мне казалось, из этого получится целое приключение. Первые полчаса мы бродили по подворотням, заостряя внимание на каждом из мусорных баков. Затем выбрались к цивилизации и совершили рейд по мясным магазинчикам, рядом с которыми один раз даже удалось выхватить окровавленный кусок из пакета покупателя. В конечном итоге я

потеряла счет времени, а когда опомнилась, поняла, что нахожусь в совершенно незнакомом месте. Собака была неподалеку, и, как ни странно, это меня успокаивало. Но случилось то, чего я боялась больше всего. Какой-то вшивый черный кот свалился с дерева и дал деру. Мой пес убежал так быстро, что я даже рта не успела раскрыть. В ту же секунду все погрузилось во мрак. Я осталась совершенно одна. Вокруг были старые складские помещения и ни единой живой души».

Я, кажется, знал, о каких местах шла речь. Мне приходилось подрабатывать на территории городской промзоны во времена летних каникул в школе. Но я не стал посвящать Чакки в этот факт, а просто продолжал слушать ее повествование:

«Я бродила среди огромных незнакомых ангаров и старых брошенных фур. Я надеялась наткнуться на охранника, который позвонит моим соседям (папы снова не было в городе) или, хотя бы, посадит на автобус до дома. Но никто не появлялся. Лишь черные птицы громко смеялись над маленькой глупой девочкой. Начинало смеркаться, и паника уже одолевала меня в полную силу. Я крикнула что-то в пустоту, затем еще раз, и скоро просто начала громко визжать, выплескивая страх, охвативший меня целиком. И в момент, когда я уже полностью отчаялась, рядом со мной возник человек – мой ангел...»

Девочка прервалась и перевела тему:

– Отличные места, – Чакки огляделась по сторонам, – можно я открою окно?

– Отличный момент, чтобы закончить рассказ. Просто идеальный.

Она быстро крутила ручку на двери, ехидно оскалив зубы.

– Потерпи! Таймаут, антракт, обеденный перерыв. У меня в горле пересохло, я уже двадцать минут не затыкаюсь.

Чакки вскарабкалась ногами на сиденье и, свалившись на колени, по пояс высунулась в окно. Я убедился, что по близости нет машин, и не стал ее одергивать, дав возможность насладиться иллюзией полета. Она забралась обратно, и ее «новоиспеченная» прическа вызвала у меня искренний смех. Но уже через секунду, произведя умелые манипуляции руками, Чакки вновь обрела привлекательный внешний вид и сказала:

– Артур, я хочу провести эксперимент.

– Может быть, расскажешь сначала, чем все закончилось?

– Погоди, эта история грустная, а мне сейчас очень весело. В общем, сними очки, а потом надень снова, мне кое-что нужно попробовать.

Я не стал долго мешкать, а просто сделал то, что она сказала. Снимая очки, я чувствовал странные ощущения, будто отрываю стеклянные линзы от своих зрачков. Я думал, что вытяну свои глаза из орбит, но мерзкое ощущение неожиданно пропало, а цветовое наполнение вокруг стало гораздо ярче, чем то, к которому я уже успел привыкнуть. Повернув голову направо, я увидел пустое сиденье – Чакки исчезла, и во мне тут же проснулось чувство одиночества, к которому я был абсолютно не готов. Я тут же надел очки, и мир снова слегка поблек, а вместе с тем сила тяжести будто бы прибавила несколько единиц.

До прибытия оставалось от силы полчаса. Я ехал по населенному пункту, кругом были небольшие частные домишки. А в перспективе открывался вид на горы и высокие хвойные леса. Постепенно начали возникать лица местных жителей, провожающих меня косыми взглядами. Я ехал и думал о Чакки, как вдруг услышал шорох сзади. Затем резкий толчок. Будто в багажник свалился мешок с землей – машина просела и выровнялась, жалобно скрипнув подвеской. Из-за спинки заднего сиденья показалась голая нога с надетым на нее коричневым сапогом. Через секунду в салон перевалилась вся остальная Чакки, облаченная в легкий сарафан. Она, крихтя, перебралась вперед и развела руками, показывая жест «вуаля».

– Что это было? – я украдкой глянул на нее и тут же перевел взгляд на дорогу.

– Ничего, похоже, я просто переоделась. Я хотела попробовать проконтролировать процесс появления, и, видимо, у меня получилось!

– Моя машина чуть не развалилась на части от твоего эксперимента.

– Прости. Зато я, кажется, начинаю учиться управлять своим ментальным телом. И мне это определенно нравится, – она звонко рассмеялась и потянулась к заднему сиденью, – ты видел, что здесь какие-то сэндвичи? И зачем тебе эта шляпа?

– Про бутерброды я забыл, а шляпа – от солнца.

Шляпа вдруг исчезла с моей макушки. Чакки надела головной убор на себя и, развалившись, вытащила стройную ногу в форточку. Со стороны девочка смотрелась крайне вульгарно: подол ее платья разлетался, обнажая ногу много выше колена, сапог играючи покачивался на тонкой лодыжке, а волосы бегали по салону, открывая ее хрупкую веснушчатую шею. Но была в этом образе и своеобразная эстетика. Красота, заставившая меня запечатлеть этот образ в своей памяти.

– Я всегда мечтала так прокатиться, словно модели на рекламных постерах. Можно взять бутерброд?

– Конечно, если они еще не испортились.

– Чудесная поездка. Спасибо, Артур.

– Без проблем, обращайся, – я слегка отстранился от разговора, сбавляя скорость. – Кажется, это здесь.

– Мы что, уже приехали? Куда? – Чакки собрала конечности в салон.

– В гости к Кэт.

Он напугал меня, но в то же время я почувствовала облегчение. Это был симпатичный, лет двадцати, молодой человек, всем видом показывающий, что его не стоит бояться. Я не стала делать резких движений, а просто сказала ему, что заблудилась. Он сочувственно улыбнулся и ответил:

– Я отведу тебя домой, но прежде, ты должна внимательно меня выслушать, – я кивнула.

– Кто ты?

– Ты меня не знаешь. Да, честно говоря, и я тебя тоже. Однако, я знаю кое-что о тебе, и у меня есть цель, в которой ты играешь важную роль. Если говорить понятным языком, можешь считать меня своим ангелом-хранителем.

– Я смотрела телевизор и знаю, что никаких ангелов-хранителей, как и ангелов-смерти, не существует. Киношная выдумка, да и только.

– Я, конечно, не ангел с небес, но кое-что о тебе знаю. Дина, ты сейчас обязана внимательно меня выслушать и запомнить все, что я скажу. В противном случае тебе на деле удастся проверить, существуют ангелы смерти или нет. Итак, ты готова меня выслушать?

– Да, – кратко ответила я.

– Начиная с сегодняшнего дня, ты должна уяснить для себя, что твоя жизнь пребывает в опасности. Я не знаю, когда и при каких обстоятельствах, но однажды тебе повстречается человек, который захочет лишить тебя жизни, и он это сделает, если ты не будешь готова. Это не шутка и не розыгрыш, и я понимаю, что говорить ребенку такие вещи не следует, но мне необходимо тебя защитить и у меня просто не остается выбора.

Я стояла как вкопанная и не знала, что мне делать. Хотелось убежать, но бежать было некуда. Город опускался во мрак, солнце уже село за горизонт, но луна до сих пор не приобрела свой холодный оттенок белого. Периметр территории, где мы находились, начал освещаться уличными фонарями, на которые тут же налетали любопытные мотыльки. Вдалеке завелся какой-то мощный генератор, и мне почудилось, что земля под ногами начала двигаться. Казалось, врата ада вот-вот откроют свою пасть, куда упадут наши несчастные души. Голова закружилась, и я заплакала, сама не понимая зачем. А молодой человек, не обращая внимания на мои действия, продолжал:

– *Послушай еще немного, маленькая...*

– *Откуда вы знаете, как меня зовут? – я уже вытирала слезы.*

– *Мне об этом сказал человек, который прислал меня сюда. Ты не должна вникать в глубины предыстории. Мне необходимо, чтобы ты смогла поверить и отнестись к этому очень серьезно. Есть вещи, которые большинство людей считают невероятными, невозможными. Но эти вещи существуют, я в этом убедился, и тебе тоже скоро предстоит об этом узнать.*

Он достал из кармана продолговатый кожаный футляр и дал его мне.

– *Что это?*

– *Открывай. Это подарок и твой талисман на ближайшие годы. С помощью этих очков ты сможешь делать вещи, о которых даже представить не могла. Очки помогут тебе разобраться в людях и понять, что скрыто у них в душе. Они укроют тебя в самый мрачный день и перенесут в места, до которых тебе никогда не добраться самостоятельно. Эта вещь однажды спасет твою жизнь.*

– *Нужно надеть? – я поднесла их к лицу и вопросительно посмотрела на молодого человека.*

– *Пожалуй, следует попробовать.*

Я надела их на нос, и ничего не произошло. Все стало намного четче. Скорее всего, зрение у меня было плохое уже тогда, просто я об этом не знала. Я оглядела все вокруг и, наконец, подняла глаза на парня. И тут произошло то, от чего до сих пор захватывает дух. Меня как будто выдернули с места и запустили гигантской рогаткой, как циркового акробата. Я пролетела километры за долю секунды, мимо меня мелькали огни окон, фонарей и звезд. У меня перехватывало дыхание от ветра, залетающего в рот. Эти ощущения были реальны. Осознав это, я завизжала одновременно от страха и удовольствия. Еще какие-то мгновения, и я оказалась на высоком стуле в заведении, подобные которому раньше мне не разрешалось посещать. Передо мной, облокотившись на бар, сидел тот парень и невозмутимо смотрел в мои округлившиеся глаза. Человек за стойкой, протиравший стакан, рассмеялся и сказал, что маленьким девочкам здесь нечего делать. Я осмотрелась и в глубине зала увидела женщину, которая робко махнула мне рукой. До сих пор не могу в это поверить, но, кажется, там сидела моя мать. Я сняла очки и в то же мгновение упала на щебенку, подсвеченный уличными фонарями, а перед лицом были кроссовки моего ангела-хранителя.

– *Где мы были? Что это такое?*

– *Я не знаю, что ты видела, но очки способны произвести впечатление, это уж точно.*

– *Мне страшно, и я не хочу больше здесь находиться.*

– *Пойдем, Дина, уже поздно. Я отведу тебя домой, а по пути у нас будет время все обсудить.*

Мы шли пешком еще порядка двух часов. Он говорил, что теперь моя жизнь примет совсем иную форму. Мне будут встречаться интересные люди, и, возможно, однажды я познакомлюсь с человеком, который сможет удивить меня не меньше, чем сегодня удалось ему. Он рассказывал о себе и о своем доме, о мечте продолжить дело отца и желании понять, как устроен мир на самом деле. Он говорил, что луна вбирала в себя небесные тела, и теперь на тех местах сила притяжения больше. «Ты – одно из таких небесных тел, без тебя притяжению придет конец. Все разлетится, и баланс уже невозможно будет восстановить. Ты нужна Вселенной, и ты об этом когда-нибудь узнаешь. Я помогаю тебе, потому что я всего лишь пазл, а ты целая картина».

Все точные воспоминания давно забрало время, и я почти не помню последние мгновения, проведенные с ним. Но я всегда держала его образ в памяти, и эта встреча заставила меня повзреть гораздо раньше, чем я этого хотела. Мы добрались до моего дома, каждое из окон которого было поглощено пустой темнотой – отца дома не было. Я понадеялась, что

наша соседка заходила и оставила что-нибудь в холодильнике, я была дико голодна. Когда мы подошли к калитке, он положил руку мне на плечо и сжал свои тощие юные пальцы.

– Мне жаль, что у нас так мало времени, и я не могу оставаться рядом дольше. Я помогаю тебе в первый и последний раз. Просто потому, что таковы условия одной замысловатой игры, в которую я ввязался волей судьбы. Но ты – хорошая девочка, и я рад, что познакомился с тобой. Ты должна помнить нашу встречу и держать в голове все, что я тебе сказал. А сейчас – прощай и береги себя.

Он скрылся за первым же поворотом по пути к шоссе. Я не останавливала его и не пыталась требовать больше объяснений. Я была маленькой девочкой, которой эта ситуация показалась вполне логичной и не слишком удивительной. Спустя несколько лет, я относилась к ней как к вещему сну, пророчество которого однажды должно сбыться. До сих пор я не знаю, что из этого было детской фантазией, а что – явью. Но уверена в одном – именно этому человеку я обязана жизнью.

Мы скромно припарковались на пригорке у въезда в небольшой кооператив из пары домов. Желтые ворота Кэт красовались как раз напротив. К ним примыкал участок с небольшим соседским домиком, из которого, видимо, необходимо было вызволить кота. Чакки вышла из «Фиата», хлопнув дверью, и стала потягиваться, заводя разговор:

– Приятное место. Кто такая Кэт?

Я вышел следом, оглядываясь по сторонам. Место и вправду было приятное. С небольшой высоты, где мы встали, хорошо просматривалась основная дорога, по которой (кроме нас) еще ни разу никто не проехал. По тротуару шла пожилая женщина с маленьким детским рюкзаком и приветливо смотрела в нашу сторону. Я машинально кивнул ей и широко улыбнулся, на что женщина никак не отреагировала, видимо, посчитав меня странным. Повсюду росли деревья и кустарники, заботливо обрамляя жилую площадь городка. Со стороны моря тянулся соленый аромат, приглашающий поздороваться с водной стихией, пока еще скрытой от наших глаз. Я одобрительно посмотрел на Чакки, соглашаясь с ее замечанием насчет этого места, и после небольшого томления все же ответил на интересующий ее вопрос:

– Кэт – моя подруга, которая любезно предоставила мне ключи от своего дома.

– Не теряешь времени даром, Артур?

– Замолчи, ты еще юна для таких разговоров.

– Ну-ну, – загадочно протянула девочка, – так что, идем вперед?

Я без слов двинулся в сторону желтых ворот, шоркая ногами по земле. Вдруг я осознал, что чуть не забыл про кота и резко сменил курс, дойдя до соседской калитки.

На невысоком заборчике висел почтовый ящик, за которым укрывался маленький белый звонок. Я надавил на кнопку и обратился к Чакки:

– Ты молчи, говорить буду я.

– Думаешь, они увидят меня? Я же...

– Дьявол! Я совсем забыл про твои...

– Доброго вечера, чем могу вам помочь? – угрюмый лысый мужчина лет шестидесяти вопросительно смотрел на меня через свой, нелепо низкий, заборчик, упирающийся ему в низ живота.

– Здравствуйте. Эм, меня зовут Артур, и я приятель Кэт, вашей соседки. А это моя... – я помедлил и перевел взгляд на Чакки, а затем снова на него. Он с недоумением смотрел на меня, будто пытаясь что-то разглядеть. Я понял, что перед его глазами стоял лишь я один. – Прошу прощения, на съезде припаркована моя машина. Надеюсь, никому не помешаю, если оставлю ее там на некоторое время, – я почти машинально выпалил первое, что пришло в голову.

– Он не видит меня! Как круто! Я – девочка-невидимка! – Чакки захлопала в ладоши, и я максимально сильно сосредоточился, чтобы не отвлекаться на ее смех.

– Ваша машина никому не мешает, сейчас здесь мало народа разъезжает – не сезон. Я сразу должен вас расстроить, Кэт сейчас на выезде, уехала в свой мотель.

– Да-да, я в курсе. Мы уже встречались сегодня, и она передала мне ключи, – я помахал связкой у него перед лицом и продолжил, – я просто хотел познакомиться и предупредить, чтобы вы не беспокоились о присутствии в ее доме незнакомого человека. А еще она сказала, что вы можете отдать мне кота, раз уж я буду жить здесь до ее приезда.

– Да я бы и не беспокоился, просто насадил бы вас на вилы и выяснил, какого черта вы тут ошиваетесь. Но раз вы знакомый Кэт, то никаких проблем возникнуть не должно.

– Терпеть не могу вилы. Особенно, когда ими бьет незнакомец, – попытался я разрядить обстановку, на что лысый продолжал грозно, но с интересом за мной наблюдать, не выказывая и доли приветливости. – Я пошутил.

– У меня тяжеловато с юмором, извините.

– Точно подмечено, – прокомментировала его слова Чакки.

– Так что насчет кота? Вы его принесете?

– Я утопил его около трех дней назад, – сухо произнес мужчина.

– Что?!

– Это шутка, Артур. Видели бы вы свое лицо. Я же правильно запомнил ваше имя?

– Именно так – Артур, – я чуть склонил голову, ожидая услышать его имя в ответ, и уже почти приготовил свое рукопожатие, но лысый лишь кивнул и повернулся ко мне спиной.

– Вот же засранец неприветливый, гребаный юморист, – бросила ему вслед Чакки.

– Вы что-то сказали? – он оглянулся, нахмутив брови, вновь пытаясь во мне что-то увидеть.

– Нет, вам показалось, – я проводил его взглядом до входной двери, и как только он исчез, я повернулся к Чакки с выпученными от негодования глазами.

– Я молчу, разбирайся с ним сам, – обрubiла девочка.

Мы дождалась возвращения моего нового соседа. Он аккуратно нес серого котика под передние лапы, а тот с выверенной периодичностью мяукал ни то от удовольствия, ни то от безразличия. Приблизившись ко мне, мужчина протянул руки через забор и отдал животное. Как только я взял его, у меня создалось ощущение, что кот с облегчением выдохнул.

– Спасибо, и не смею больше вас тревожить.

– Ничего страшного. Если что обращайтесь, заодно расскажем друг другу пару анекдотов, – ехидно подмигнул лысый.

– Договорились, – ухмыльнулся я и стал удаляться.

– Смешные очки, – крикнул мне вслед мужчина.

– Я фанат Элтона Джона.

Чакки, улыбаясь, закрыла глаза рукой, а сосед не дернул ни единым мускулом на своем лице. Он наблюдал, как я отхожу в сторону желтых ворот и пытаюсь найти нужный ключ. Процесс вскрытия замка немного затянулся, и когда я вновь посмотрел в сторону низкого заборчика, мужчина уже исчез из виду.

– Маньяк какой-то. Как Кэт могла доверить ему своего кота?

Чакки поднесла морду животного прямо к носу и глупым искаженным голосом начала с ним говорить:

– Ты, наверное молился, чтобы кто-то вроде меня вытащил тебя из лап этого злодея?

Кот мяукнул и стал вырываться из рук сразу, как сообразил, что ворота открыты. Несколько изворотливых движений дали ему полную свободу, и через секунду он уже мчался в сторону родных хором.

Я снисходительно смотрел на их глупую схватку, когда девочка, увидев мой взгляд, перевела внимание на меня:

– Если хочешь, можешь снять очки и закончить это недоразумение. Наверняка, я тебя уже утомила.

– Все хорошо, твоя легкость восприятия придает мне сил. Когда вокруг происходит слишком много странных событий, нет ничего лучше обычной школьницы, играющей с котом, сейчас я это понимаю. И вообще, я всегда мечтал о невидимом друге, – смеясь, сказал я.

Чакки по-свойски ударила меня кулачком в плечо, и мы прошли за ворота.

Внутри нас ожидал небольшой двухэтажный дом. Он, словно спасательная шлюпка, располагался посреди спокойного зеленого «океана», недавно подстриженного газонокосилкой. Вдоль забора тянулись виноградные побеги, и мне тут же захотелось сделать глоток молодого белого вина. На тропинке, прямо на пути, небрежно валялся размотанный поливочный шланг. Видимо, Кэт уезжала впопыхах, так как он ярко выделялся из общей педантичной гармонии. Мы перешагнули через препятствие и двинулись дальше. Скрипучий отзвук заставил меня посмотреть вверх – на крыше гордо возвышалась мачта с флюгером странной формы. Прищурившись и включив воображение, я узнал в нем контур штыковой лопаты, полотно которой с легким скрипом указывало направление ветра. «Необычное исполнение», – подумал я и пошел дальше.

У порога дома, из стороны в сторону петлял кот в ожидании скорейшего возвращения в родные владения. Я подошел к двери и провернул ключ против часовой стрелки. Животное быстро проскользнуло в узкую щель и исчезло в глубине незнакомых мне комнат. Внутри нас ожидал темный длинный коридор. Похоже, все шторы на окнах были задернуты. В виднеющихся дверных проемах также было темно. Я интуитивно протянул руку вправо и нащупал выключатель.

– Свет, я сказал! – клавиши щелкнули, и перед нами предстал коридор, плавно перетекающий в прихожую.

Стена справа была увешана фотографиями и сразу заставляла обратить на себя внимание: портреты и постановочные фото каких-то людей, среди которых знакомых лиц я, естественно, не видел (за исключением самой Кэт, разбавляющей почти каждый снимок). Большинство работ были исполнены в черно-белом варианте, но какую-то часть составляли и очень яркие снимки.

Небольшие полочки вдоль противоположной стены были заставлены огромным количеством забавных игрушек, созданных в одной стилистической манере – это были карикатурные скульптуры героев фильмов: Фредди Крюгер, Док и Марти МакФлай, Коломбо и Фил Коннорс из кинокомедии «День сурка». Взглядом я перебрал почти всех персонажей и нашел смешного, глупо выглядящего ковбоя, с которым не так давно сравнивала меня Кэт. Большинство из них я не узнал, но бесчисленное множество персонажей этой забавной коллекции впечатляло.

Чакки молча прошла в следующую комнату, которая тут же озабилась желтым светом лампочки накаливания, скрытой легким абажуром. Ничем не примечательная прихожая с большим диваном посередине комнаты и стеклянным столиком, на котором лежал ноутбук. Шкаф в углу, комод и несколько табуреток вдоль стен. Пол был застелен плотными и тяжелыми лакированными досками, которые поглощали звуки наших шагов, даже не пытаясь поскрипывать. Мы последовательно двигались из комнаты в комнату, будто по прогулочному аттракциону в парке развлечений: кухня, исполненная в теплых деревянных тонах, еще одна маленькая гостевая спальня, уборная, выложенная светлым кафелем. Лестница, ведущая на второй этаж, упиралась в запертую дверь. Я подумал, что при желании ключи можно легко найти, но в этом не было необходимости – одного этажа для проживания было более чем достаточно. В интерьере дома преобладал шведский минималистичный стиль, что, как оказалось, было очень кстати в условиях моей перенасыщенной событиями жизненной обстановки.

– Паршивое место, – наконец выдала вердикт Чакки.

– А по мне – то, что нужно. Ничего лишнего и отвлекающего.

– У меня здесь дыхание перехватывает. Какой-то дом с приведениями, – она взяла фотографию, стоявшую на комод. На ней девушка крепко обнимала мужчину кавказской наружности с очень добрыми глазами. Фото было сделано во дворе на фоне забора и зеленого газона. – Это Кэт?

– Да, это она и есть.

– Красивая девушка. Ты имеешь на нее планы?

– Я уже говорил, хватит доставать меня этими заезженными репликами. Она добрая и милая девушка, и мы с ней подружились. Точно так же, как и с тобой. На этом давай прекратим обсуждать мои «планы на Кэт».

– Конечно, ведь на этой фотографии ее планы тесно связаны с этим мускулистым грузином.

– Чакки!

– Прости, Артур. Просто я слишком любопытная и с трудом могу вовремя остановиться, иногда делаю на это скидку, – Чакки упала на диван посередине гостиной и хлопнула ладонью по свободному месту рядом. – Присаживайся, я расскажу тебе, что было дальше. Уверена, тебе понравится.

Я сел рядом с ней, и девочка продолжила свою историю. За окном уже было темно, когда Чакки закончила повествование. Я сидел ошарашенный ее рассказом и смотрел на этого человека с совершенно новой для себя стороны. Она выглядела как никогда серьезной, а в глазах читалась искренняя благодарность, но я не мог понять за что. Наконец, из меня посыпались эмоции:

– Но это же бред! Почему он сказал так мало? Почему не смог остаться или не прислал кого-то, кто тебя защитит? – это были риторические вопросы, на которые Чакки не стала отвечать. – То есть, ты уже четыре года живешь в состоянии, когда каждый день с тобой может что-то произойти?

– Вообще-то нет, самое сладкое я оставила на десерт, – она заулыбалась привычной беззаботной улыбкой, – мой «день икс» уже в прошлом.

– Пророчество сбылось?

– Конечно. Неужели ты думаешь, что я бы сейчас развлекалась здесь с тобой, и к тому же подарила бы тебе свое единственное средство защиты? Я, конечно, официально еще ребенок, но не дура.

– И что в итоге произошло?

– Год назад в наш дом влезли грабители. Какие-то наркоманы, им даже двадцати не было. Рыскали по дому, пытаясь найти что-то ценное. Я спала в своей комнате, когда дверь слетела с петель от мощного удара одного из этих говнуков. Он пошел на меня, держа в руках нож из нашего кухонного набора. Бормотал что-то и медленно подбирался ко мне. Я оцепенела и, не зная, что делать, вцепилась в подушку и ждала чуда. Вдруг меня осенило: «чудо» лежало на тумбочке рядом с кроватью. Я быстро схватила фиолетовую оправу и тут же надела очки, которые должны были спасти мне жизнь. И знаешь, что я увидела через них?

– Что?

– Они залились алым, почти непрозрачным цветом, как будто я нырнула в аквариум с кровью. А тот парень продолжал идти на меня, как ни в чем не бывало. Гребаный красный фильтр, Артур! Это все, чем они мне помогли в тот день. Просто показали, как будет выглядеть моя комната через пару минут. Можешь в это поверить?! Я закричала от ужаса, и уже через секунду в комнате оказался мой отец. По счастливому стечению обстоятельств, наркоманы были настолько тупы, что не выждали дня, когда отец уедет на службу. В ту ночь он был дома, а в то мгновение стоял за спиной моего убийцы. Я видела взгляд моего отца – это был не человек. В тот момент я смотрела на хищника, который защищает свою территорию и потомство. Хилое тельце грабителя влетело в стену с такой силой, что я думала, он пробьет ее насквозь. Однако

он, как дряблый мешок с костями без сознания свалился на пол и, как потом выяснилось, сломался в семи местах. Опасности не было. Второй грабитель уже лежал с пробитой головой на кухне, а отзвуки полицейских сирен становились все ближе и ближе. Отец подбежал и обнял меня так резко и так крепко, что очки слетели с моего носа и упали на кровать. Тот момент был единственным искренним проявлением его нежности. И меня переполняло счастье не из-за того, что эти ублюдки, умирая, валялись на полу. Меня переполняло счастье от того, что мой отец наконец-то показал, что любит меня.

– Этот «хэппи энд» заслуживает экранизации. Я очень рад, что все так закончилось, Чакки... То есть Дина?

– Спасибо, но мне нравится твой вариант имени. С приходом тебя в мою жизнь что-то изменилось, появилась граница «до и после». Поэтому новорожденная Чакки – это именно то, что мне необходимо в новой жизненной главе.

Я улыбнулся и обхватил ее ладонь, разглаживающую плед на диване.

– Если я – начало новой главы твоей жизни, можешь во всем на меня положиться. Ведь ты – одна из тех, благодаря кому началась моя новая глава. И это очень ценно для меня.

– Ну, я думаю, достаточно, – она одернула руку и встала с дивана, – момент уже перевалил за все пики любезностей и милостей. А до нашего «хэппи энда» еще довольно далеко.

– Ты права. Это ночь вытягивает задушевные мысли. Так всегда происходит, когда от усталости перестаешь концентрироваться на сказанном. Нам нужно прощаться.

Она вдруг снова нахмурила брови, и мне показалось, что она собирается сказать что-то серьезное.

– Артур, ты должен понимать, что мы здесь оказались не просто, чтобы поддержать друг друга. Мы связаны. Я видела это в ту ночь, когда мы познакомились. То место, куда ты отправишься, совсем не парк развлечений. Я была там, и хотя мне было всего одиннадцать, оно подействовало на меня. Там сосредоточена большая сила, которая может как созидать, так и разрушать. И мой ангел был оттуда. Возможно, оттуда появились и эти очки, – она взволнованно посмотрела на меня, – я просто хочу, чтобы ты подходил ко всему с большой осторожностью.

– Не волнуйся, все будет хорошо. У нас еще будет время все обдумать. А сейчас тебе пора. Я умираю от голода и очень хочу спать.

– В таком случае, до скорого. Не предпринимай ничего без меня, я буду ждать.

Я снял очки и почувствовал себя гораздо легче. Комната опустела и стала постепенно наполняться естественными оттенками. Я посмотрел на диван. Там, где недавно сидела Чакки, плед был ровно разглажен, а смят лишь подо мной. Я вновь почувствовал, что воображение играет со мной, и понял, что скучаю по реальности, к которой привык. Следовало взять себя в руки и успокоиться, а для начала просто выспаться. Кот запрыгнул мне на колени и начал ластиться, еле слышно урча.

– Завтра я позвоню твоей хозяйке и узнаю о тебе побольше, договорились? А сейчас проваливай, у меня был сложный день, – он спрыгнул на пол, а я, не торопясь, начал готовиться ко сну.

4

Сковородка с жареными яйцами уже остывала на столе, отдавая комнате ароматный пар. Я набросал туда все, что нашлось в холодильнике и, в конце концов, получилась довольно аппетитная палитра из яиц, сыра, помидор, зелени и картофеля. Я стоял посередине кухни и ждал, когда сварится кофе в турке. Завтрак заманчиво подзывал вкусить его, но я стойко придерживался принципа не садиться за еду без горячего напитка в правой руке.

Утро выдалось мрачным и пасмурным. В любую минуту мог пойти дождь, но это меня даже немного радовало. Мне очень хотелось ощутить что-то постоянное и неизменное. То, что всегда и везде одинаково действует на тебя – смывает все фальшивые запахи и дает почувствовать себя самим собой. Именно так бы сейчас на меня подействовал дождь.

Я вышел из кухни, прошел через коридор и оказался на крыльце. Над головой по-прежнему поскрипывал флюгер. Газон (в высоту уже сантиметров пять) неохотно изгибался под периодическими порывами ветра, а листья винограда, наоборот, податливо трепыхались, словно маленькие рыбки на суше. Пыль на дороге за забором кружила, создавая небольшие воронки. Я сделал еще пару шагов и остановился на лужайке, наслаждаясь порывами прохлады и уже ощущая легкую морось на лице.

Меня вновь посещали мысли о моей матери: «Приехал ли я сюда ради нее или ради себя? И что бы она сказала на это сама?» – мне хотелось услышать ответы, и единственный человек, которому я бы мог довериться в данных вопросах, была моя сестра. Но втягивать Лизу в ситуацию, в которой я сам до конца не разобрался, мне не хотелось. Вся эта история могла иметь самые непредсказуемые последствия, и пользоваться ее помощью было бы верхом эгоизма. Единственным веским рычагом, продолжающим толкать меня вперед, оставались слова Дэна: «Ты сможешь попроситься с ней...» – это вновь напоминало мне о том, что я здесь не только ради себя. После того, что я видел и через что прошел, я понимал, что это не просто слова – это реальная возможность, которой я обязан воспользоваться. Цель, до которой должен прийти. И по достижении этой цели моя фантастическая история о целеустремленности, семье, доверии и любви сможет дать кому-то возможность раскрыть в себе потайные двери и увидеть, кем мы по-настоящему являемся.

Наверняка, если бы Чакки сейчас слышала мои мысли, она бы предложила превратить это в песню и плакать ее под гитару в электричках и подземных переходах. Но эти мысли давали мне возможность сосредоточиться и настроиться на неизвестность, которая чем ближе подкрадывалась, тем больше начинала меня пугать.

Капли дождя становились больше. Я поднял лицо к небу, закрыл глаза и стал наслаждаться падающими точками прохлады, растекающейся по коже. Какое-то время я стоял, не двигаясь, а затем спокойно вернулся к реальности. На мгновение выглянуло солнце, и в тот момент я понял, что нахожусь там, где должен находиться. А ощущение готовности к новому и неизвестному, наконец, взяло верх над неуверенностью и страхом. Я провел руками по мокрым волосам, разбрызгав радужную росу. Из открытой двери дома доносился аромат свежего кофе. Я поспешил внутрь, снять его с огня и позавтракать.

На часах было уже 11:00, когда я собрался выходить из дома. Очки остались лежать у закрытого ноутбука. Я посчитал, что для начала необходимо осмотреться собственными глазами и составить общую картину окружения, не прибегая к помощи Чакки. После моей утренней медитации дождь разошелся в полную силу и низвергся плотным потоком, затопив землю. Теперь же, небо успокоилось и сквозь тучи уже пробивались первые солнечные лучи, предвещающие теплый день.

Я вышел в коридор, где на меня со стен смотрели незнакомцы со счастливыми лицами, но мое внимание было приковано к Кэт. Задержавшись у стены, я неторопливо проходил от одной фотографии к другой. Здесь Кэт довольная плещется в воде (снимок немного размытый, видимо, вода попала на объектив). Она была совершенно счастлива в этом, навсегда оставившемся, моменте. Пройдя дальше, я увидел забавное портретное фото: темный фон, профессионально поставленный свет, проработанный макияж и прическа, но все это совершенно нелепым образом контрастировало со старательно скорченной гримасой. Кэт полностью отдалась этому кадру, без малейшей сдержанности скривив рот, высунув язык и сведя глаза к носу. «Эйнштейну такого и не снилось», – подумал я. Дальше шли многочисленные семейные фото-

графии празднований и застолий, фотографии из домашнего архива, детские фото. Здесь она играет с каким-то мальчиком лет семи, здесь – смущенно обвивает массивные плечи симпатичного парня, здесь – прогуливается по лесу рядом со старым заброшенным домиком. Будет ли здесь однажды висеть моя фотография? Я отошел от стены и начал обуваться, вновь заводя разговор с самим собой.

– Какого черта ты влез в жизнь этой девушки, кретин? – никакого ответа я не дождался, стены поглотили звук, и я вновь остался наедине с самим собой.

Мне нужно было позвонить ей прямо сейчас, пусть я и не знал, как себя лучше вести и что говорить, но ждать дольше я не мог. Выйдя за ворота, я направился в сторону своей машины. Капли утреннего дождя почти испарились с теплой голубой поверхности, заставляя сиять отполированный кузов еще сильнее. Автомобиль смиренно ожидал новых длительных поездок, но время для них еще не пришло. Я достал шляпу, которую Чакки бросила вчера на заднее сиденье, и, надев ее, пошел исследовать территории, попутно набирая номер Кэт, указанный на визитке ее мотеля.

– Алло! Привет, ковбой, я как раз о тебе вспоминала, – ее голос звучал радостно и сразу задавал настроение беседе.

– Здравствуй, Кэт. Я очень рад тебя слышать, – моя недавняя уверенность в себе исчезла без следа. Слова, робко и неуклюже вываливались изо рта, и меня это раздражало.

– Как добрался, Артур? Нашел дом? Познакомился с соседями?

– Добрался отлично, вечером уже был на месте. Соседи у тебя довольно странные, не слишком-то приветливый мужчина. Мне кажется, он меня в чем-то подозревает. Не удивлюсь, если он устроил за мной слежку. Хотя, едва ли я давал ему для этого повод...

– О да, к Ивану Карловичу нужен особый подход. Он убил свою жену пультом от телевизора и отсидел за это пятнадцать лет, теперь он не слишком разговорчивый.

– Что?!

– Я шучу, – она рассмеялась, – он просто одинокий человек, не нашедший для себя места в обществе. На самом деле, история про пульт ходила по поселку как правдоподобная легенда до тех пор, пока его жена не вернулась из командировки. Как Ложка?

– Кто? Что еще за ложка?

– Боже, он даже не сказал, как зовут кота, что за манеры... Познакомься, животное, которое ты изъял из рук угрюмого соседа – это Ложка. Довольно послушный и ласковый котик. Он позавтракал?

Я с размаху ударил себя по лбу, вспомнив, что не покормил кота. Нужно было возвращаться в дом.

– Ты про него забыл, да? – она с осторожностью задала вопрос, на который я уже приготовил ответ.

– Нет, с чего ты взяла, Ложка сыт и доволен.

– Артур, я слышала этот шлепок ладони о твое лицо. Он не попался тебе на глаза, и ты про него забыл, верно?

– Прости. Все именно так. Откуда ты знаешь? – я был удивлен ее пронизательности.

– Я сама так часто делаю. Кот самостоятельный, и у него есть возможность выйти на улицу. Он наверняка уже гуляет в поисках пропитания, так что не беспокойся.

– Хорошо. В любом случае, признаю свой первый прокол. Я постараюсь больше тебя не подводить.

– Не бери в голову. Чем ты сейчас занимаешься?

Я оглянулся по сторонам, чтобы как можно ярче описать процесс прогулки.

– Прогуливаюсь вдоль дороги от твоего дома, осматриваю достопримечательности. Пока кругом частный сектор, причем все дома возвышаются над моей головой – это выглядит странно.

– Да, там все стараются забраться повыше. Во-первых, туристы ценят хороший вид, а во-вторых, внизу пустой земли почти не осталось. Если хочешь увидеть достопримечательности, есть пара неплохих заведений, где можно вкусно перекусить. Вдруг будет лень готовить. Ты, должно быть, скоро наткнешься на одно из них, называется «Вкусный хутор». Если говорить о море, то оно еще холодное, но прогуляться вдоль пляжа всегда приятно. Вокруг густые хвойные леса, там тоже хорошо иногда побродить, насытиться чистым воздухом и очистить забитую голову. Я не предлагаю тебе туристические экскурсии, они все сплошь фальшивые, ничего интересного в них нет. Посмотреть на древние каменные склепы, в которых молодежь вечерами напивается, или увидеть водопад, который тебе по колено... Бред. Просто наслаждайся природой и думай обо мне, – в ее голосе присутствовала ирония, но не в полной мере. Неужели эта девушка и правда заинтересовалась мной? У меня до сих пор не укладывалась в голове ее легкомысленная наивность.

– Спасибо за небольшую телефонную лекцию. Гида с таким милым голосом у меня еще не было.

– Рада помочь. И да, Артур... – ее голос звучал более серьезно.

– Я слушаю.

– Я знаю, что у тебя там свои дела, и я обещала в них не вмешиваться. Но если вдруг ты захочешь со мной чем-то поделиться, пожалуйста, не бойся это сделать. Я вправду хотела бы сократить нашу дистанцию. Прости, что я такая напористая. Мне кажется, когда я приеду домой, ты исчезнешь и будешь чертовски прав.

– Я никуда не исчезну. Я ценю все, что ты уже для меня сделала, и точно не останусь в долгу. Ты мне очень нравишься, Кэт. Я сегодня смотрел на твои фотографии в коридоре с мыслью, что всю жизнь по тебе очень скучал. Это странное чувство. И сейчас я нахожусь в предвкушении нашей встречи. И я вновь заверяю тебя, что никуда не денусь.

– Это очень приятно – слышать такие слова.

– А мне приятно их говорить, – моя улыбка растянулась до ушей сама по себе. То, что слова, произнесенные мной, доставляли ей удовольствие – вдвойне доставляло удовольствие мне.

– Черт, меня ждут постояльцы, нужно бежать. Кажется, гости с собакой снова что-то учудили. Позвони позже, целую.

– Обязательно, до связи.

Непримечательная, почти выцветшая вывеска «Вкусный хутор» красовалась над одним из частных домов (самом ветхом из всех, что я пока здесь видел), расположенном у дороги, по которой я прогуливался. Ни гостеприимного дворика, ни хвастливого зазывающего меню у входа я не наблюдал. Очень скромное, с виду, заведение, ассоциирующееся у меня, если уж не с сараем дяди Антона, то с его гаражом – точно. Так или иначе, раз Кэт назвала это место достопримечательностью, не зайти туда я не мог.

Внутри было довольно темно, но ухоженно. По залу витал аппетитный запах жареного мяса, который тут же заставил меня начать исходить слюной. Справа тянуло крепким пивом, которое попивал один из немногочисленных гостей. Я посмотрел в его сторону и увидел старика со стаканом в руке. Он что-то бормотал себе под нос, и я не стал задерживать на нем внимание. Внезапно, в дальнем углу холла хлопнула дверь, и я услышал журчание слива унитаза, доносившееся из-за нее. Крепкий мужчина кавказской наружности, вытирая о себя влажные руки, двигался в мою сторону, словно локомотив по рельсам. Я непроизвольно начал пятиться назад, опасаясь жесткого столкновения. Мужчина, не давая мне расслабиться, тут же метнул ироничную угрозу:

– Если уже решили, что будете заказывать, вам нечего бояться, – он рассмеялся в голос и тут же заорал на всю комнату. – Гарик, у нас посетитель, твою мать, готовь угли!

Слова звучали так, будто угли предназначались мне. Его акцент не резал слух, он был довольно обычным для человека его внешности (да и вообще, для большинства местных) – немного гнусавым, с четким произношением, но невнятно поставленным интонационным ударением. Он продолжал идти на меня словно сторожевой пес, спущенный с цепи, и вдруг остановился в шаге от меня, не соблюдая ни малейшей дистанции приличия.

– Прошу, любезный, будьте как дома, – обходительно, но настойчиво протянул кавказец.

Мои ляжки упирались в столик, и, не видя другого выбора, я упал на жесткий стул рядом. Мой взгляд нацелился на здоровяка. Я всем видом демонстрировал, что не доволен таким обслуживанием. Он это понял и слегка прищурился, как бы разглядывая, из какого теста я слеплен. Пора было что-то сказать, но в голову ничего не лезло. Кавказец выбил из меня толк своим горячим приемом, и из всего многообразия приветственных фраз я выбрал самую неудачную:

– Где у вас здесь туалет?

Его глаза округлились. Грудь надулась, и весь воздух, который он успел в себя набрать, тут же выплеснулся на меня в ужасающе громком гоготе.

– Гарик, у нас заяц! Повремени с углями! – вновь заорал громила сквозь смех.

– Заяц? – непроизвольно поинтересовался я.

– Ты и представить не можешь, сколько людей заходят к нам, чтобы справить нужду, будто у нас на входе написано «Бесплатный туалет». Садятся за столик, листают меню, идут в сортир и уходят довольные. Мы таких между собой называем зайцами. И в скором времени я собираюсь начать срывать с них шкуры и заваливать тушки.

– Никакой я не заяц. Я обязательно что-нибудь закажу, не переживайте. Хотя завтра у меня был совсем недавно, но перед этим запахом устоять невозможно. Гарик, готовь угли! – заорал я и услышал смешливый сдержанный «хмык» со стороны пожилого мужчины с пивом в углу.

Кавказец расплылся в натянутой улыбке. В его глазах не было ни грамма радости и приветливости. Вся его ложную любезность, появившуюся на лице, выдавал холодный расчетливый хищный взгляд.

– Туалет – вон там, – он указал в сторону, откуда только что вышел, – мы приготовим фирменный шашлык из бараньих ребрышек, приправленных аджикой. Лучшего блюда в этом городишке не подает никто.

Я кивнул и протиснулся между ним и стулом, направившись в уборную перевести дыхание. Кавказец провожал меня недовольным взглядом и, когда я захлопнул дверь, он вновь что-то громко прокричал и засмеялся.

В туалете было чисто и, на удивление, уютно. Яркий свет, большие зеркала, чистые краны и туалетная бумага. Я рассчитывал увидеть здесь рой мух и мерцающую лампочку – отнюдь.

Ополоснув руки, я посмотрел на себя: в зеркале стоял робкий неудачник в идиотской шляпе, которую я забыл снять перед тем, как зайти. Вид перебинтованной руки также добавлял странности в образ и мог навести на определенные вопросы, которые, однако, так и не были заданы.

– Ты выглядишь как клоун, Артур. Еще бы тебя воспринимали всерьез.

Я дернул головной убор и вышел в зал. Мой «добродушный» официант куда-то подевался, но у меня было огромное желание начать заново наше неудачное знакомство. Он застал меня врасплох и не дал возможности отразить нападение. Это нелепое противостояние характеров было совершенно ни к чему, но, раз уж здесь такие правила, я собирался их соблюдать.

Я упал на твердое сиденье и, скрипнув ножками, пододвинулся к столику. Шляпа нашла свое место на спинке соседнего стула. Из двери кухни вышел кавказец. Я вновь встал со своего места и пошел в его сторону. Моя походка была быстрой и уверенной. Я не знал, что буду делать дальше, но в глазах официанта (и, по совместительству, владельца – данный факт был

написан на его лице) появилось непонимание. Он на мгновение опешил, но вскоре собрался и тут же обозначил стратегию защиты.

– Ты что-то хотел? Заказ почти готов...

– Хотел узнать, – перебил я его, – где вас учили так чутко обращаться с клиентами? Если я вам так с ходу чем-то не приглянулся, можете сказать мне об этом в лицо. Не нужно тянуть лживую улыбку, пытаюсь меня поддеть.

– Что ж, мое паршивое воспитание вполне позволяет рассказать, чем ты мне не приглянулся. Хотя, поверь мне, я очень старался быть любезным, – его голос звучал твердо и ровно, без лишних эмоций.

– Я весь во внимании.

Кавказец чуть наклонил голову:

– Я прекрасно вижу, что ты не местный. Это написано не только на твоём растерянном лице, но и читается по твоей идиотской кепке, – он небрежно кинул указательный палец на то место, где лежала шляпа, – ещё я прекрасно понимаю, что ты не турист. Сейчас не сезон, да и вид у тебя как у человека, приехавшего с другой целью. Знаешь, в этих местах, если ты не принадлежишь к одной из двух этих категорий, ты автоматически становишься нежеланным гостем. Во всяком случае, для меня. Ты либо ищешь здесь какую-то выгоду, либо замышляешь темные дела. Поэтому, когда ты доешь свою порцию шашлыка, я предлагаю тебе убраться отсюда, и желательно, подальше.

– Я не местный и не турист, в этом ты прав. Я здесь по личным делам и живу у подруги, которую мне нужно дождаться. Мне совершенно не хочется оправдываться перед таким человеком как ты, но обстоятельства сложились так, что мне придется жить здесь какое-то время, а город слишком уж мал, чтобы исключить вероятность нашей повторной встречи.

– Что за подруга? – коротко уточнил кавказец.

– Кэт. Желтые ворота в начале улицы, – своей интонацией я, как бы, сделал ему одолжение.

– Кэти? Откуда ты ее знаешь? – не успел я ответить, как он продолжил. – Мы сейчас не много общаемся, но она мне ближе, чем ты думаешь. Она – хорошая девочка, моя Кэти... – его взгляд провалился куда-то очень глубоко. Я увидел, что это имя вернуло ему человеческое обличье. Но вскоре он сосредоточился и вновь смотрел на меня дикими глазами. – У нее на стене куча фотографий с ее друзьями. За много лет я успел изучить их вдоль и поперек, но готов отдать руку на отсечение, что тебя на них нет.

– Честно говоря, мы знакомы не так давно. Я жил в ее гостинице какое-то время (сутки), и мы сблизились. Она действительно хорошая девушка. И я думаю, ты не будешь спорить с тем фактом, что она не из тех, кто заводит легкомысленные знакомства с сомнительными личностями, – она была именно таким человеком, но я надеялся, что он проглотит этот блеф, – так что, если уж она доверила мне свой дом, думаю, ты можешь доверить мне место за столиком в своей закуской.

– Раз уж ты с ней знаком, быть может, ты немного склоняешь чашу весов на свою половину, но я все равно не доверяю тебе, – тон кавказца стал чуть спокойнее и ровнее.

– Я не прошу тебя мне доверять, я просто хочу уважительного отношения и вкусный шашлык. У меня нет здесь грязных дел, и я не ищу никакой выгоды. Если ты узнаешь, что я тебе вру, разрешаю тебе первому прийти и выкрутить мне яйца. Что скажешь?

Молодой парень в белой футболке, фартуке и сетчатом чепчике, стягивающем густые волосы, вынес большое блюдо с мясом, передал его моему собеседнику и с многозначительным молчанием удалился.

– Ешь и проваливай, – он протянул мне заказ, и мы негласно сошлись на том, что на какое-то время можно прервать баталии. Я отнес поднос на свое место и приступил к трапезе.

Мясо было волшебное: прожаренное до последнего волокна и сочное, будто пропитанная губка. Ни пережаренной корки, ни жира, ни лишних специй. Аджика дополняла блюдо, придавая ему пикантности. Я умял целый шампур за несколько минут и отвалился на спинку, позабыв о неприятном разговоре, который еще должен был продолжиться.

Здоровяк подошел к моему столику, в руках у него был чек и стакан воды.

– С тебя двести пятьдесят. Вода бесплатно, – его акцент, который я в какой-то момент перестал замечать, вновь явно слышался.

Я тут же достал деньги из заднего кармана и положил на стол.

– Спасибо, было чертовски вкусно.

Он взял деньги и начал отдаляться, но я вновь его окликнул:

– Послушай, я вряд ли смогу удержаться и не посетить вас снова, поэтому хватит этих детских игр. Меня зовут Артур, будем знакомы, – я тянул руку, а он смотрел на меня, обдумывая свои дальнейшие действия.

– Гафу, – кавказец неохотно подошел и пожал мне руку, – но это исключительно из-за Кэти и никак иначе.

– О, Гаф, да ты наступил себе на горло, – усмехнулся старик, попивающий пиво.

– Сидр, старый алкаш, не лез бы ты в чужие дела! – рявкнул кавказец сквозь зубы.

– Я и не лезу. Просто с моего ракурса хорошо видно, что этот парень не сделал и, скорее всего, не сделает ничего дурного. Не стоило устраивать ему этот концерт.

– Ты не отличишь шум прибора от журчания своей мочи в писсуаре, а теперь на тебя снизошло озарение? Или это просто стадия «семейного психолога», которая открылась после семи стаканов пива?

– Тебе нужно научиться держать себя в руках, Гаф, и постараться забыть про... И жить в обществе, как большинство нормальных людей. А стакан всего лишь шестой, – он встал из-за своего стола, бросил пару смятых купюр рядом с пустым стаканом и медленно направился к выходу.

– Я тоже, пожалуй, пойду, – я встал из-за стола, – не скажу, что было приятно познакомиться, но лучше уж закончить на фальшивой ноте, чем вовсе не спеть.

Кавказец анализировал мои слова, когда его внимание переключилось на входную дверь, в которую вошел очередной посетитель. В проеме появились две фигуры: полная пожилая женщина и такого же телосложения мальчик. Ее звонкий голос развеял напряжение, царившее в стенах закусочной.

– Гафу, солнце, мы проголодались. Сделай нам свои шикарные ребрышки, только сегодня побольше овощей, у меня игривое настроение! – она рассмеялась и, как у себя дома, прошла мимо всех столов, сев за строго определенный. Мальчик, немного замешкавшись, побежал вслед за женщиной.

Гаф оживился и расцвел. Он приблизился к посетительнице, совершенно забыв о моем присутствии, и мне это было на руку. Я начал неторопливо собираться, чтобы покинуть заведение.

– Лица, дорогая, тебя так давно не было! Садись, я принесу немного виноградного сока, или ты сегодня не за рулем?

– Мы с внучком едем в город, Гаф, так что сок...

Я вышел из шашлычной, до конца не понимая, насколько абсурдная ситуация создалась внутри. Либо здесь обитают очень странные люди, либо я неудачник, притягивающий гребаных маньяков.

Солнце уже начинало припекать в полную силу, и я посмотрел на шляпу, которую держал в руках. Надевать я ее не стал, чтобы не шокировать окружающих. Слишком уж здесь всё близко воспринимали к сердцу. На часах стрелки подползали к тринадцати тридцати, и в моих планах все еще оставалась прогулка в сторону моря. Я направился вдоль улицы, по которой

шел ранее, и увидел ковыляющего впереди старика, самоотверженно отстаившего мою честь в закускойной.

Мне не составило труда догнать его, даже не слишком ускоряя шаг. Я тактично кашлянул, и старик оглянулся. Тот элемент декора, коим он являлся, сидя за столиком в закускойной, при ярком дневном свете превратился в живого человека со своим запахом, мыслями и привычками. Я понял, что не обратил внимания ни на его одежду, ни на лицо, ни на голос (хотя он довольно громко выражал свое мнение). Потрепанная джинсовая жилетка, старая, давно не стиральная рубашка, штаны непонятного цвета, которые уже не мог удержать ремень. Старик сказал Гафу, что выпил шесть стаканов пива. Но кроме характерного запаха этого факта больше ничего не выдавало – он держался ровно и уверенно. Мы оценивали друг друга несколько мгновений, но его интерес быстро пропал, и он направился дальше, ничего не сказав. Я последовал за ним, с трудом выдерживая его неторопливый темп.

– Прошу прощения. Спасибо, что заступились за меня там. Конечно, пик накала уже прошел, но было приятно осознать, что есть в этом городе люди здравомыслящие.

– Боже, парень, я просто не удержал язык за зубами, не стоит делать из меня национального героя, – его голос был изъеден табачным дымом и, с характерной звонкой хрипотцой, выходил из легких.

– Не хотел вам мешать, сам не знаю зачем подошел. Просто нам, похоже, в одну сторону, и мне нужна порция нормального общения, после того лаянья с Гафу.

– Это нормально для нашего цербера. Так он отпугивает нежелательных элементов.

– А откуда столько злобы?

– Парень, а откуда у тебя эта сраная шляпа?! Ты приехал в чужой город, где все друг друга знают, и хочешь за день понять, как здесь все устроено и для всех стать своим?

– Нет, но... – старик вырвал мои слова и продолжил.

– Конечно, то, что ты вывел из себя Гафу, это единичный случай за последнее время. Тебе просто не повезло. Но, на самом деле, его реакции есть оправдание.

– И какое же, если не секрет?

– Это довольно долгая история, и мне очень не хочется в нее погружаться.

– Что ж, дело ваше. Я просто хотел немного понять местный уклад. Возможно, это облегчило бы мое нахождение здесь, – мне действительно была интересна подноготная здешней жизни и, через истории проживающих здесь людей, я хотел ей проникнуться. Я часто так делал, когда посещал незнакомые места, и эта тактика меня не подводила. Главное было найти правильного человека с правильной историей. Украдкой наблюдая за стариком, я все больше и больше был убежден, что именно он поможет мне адаптироваться к окружающей среде.

Проезжая дорога, по которой мы шли, плавно перетекала в насыпную пешеходную тропинку. Куда и откуда по ней ездили автомобили, для меня оставалось загадкой. Мы прошли через старые разбитые ворота в небольшой заповедник, молча размышляя каждый о своем. Над головой нависали огромные ветви неизвестных мне деревьев. Они равномерно чередовались с голыми высокими стволами сосен, которые издавали головокружительный хвойный аромат. Под ногами хрустели сухие ветки, и после каждого своего шага я слышал шорох спасающихся от смерти ящериц. Птицы шумно махали крыльями, цепляясь за верхушки деревьев. Впереди мельком проносились белки, не давая толком себя разглядеть. Этот лесок был по площади не больше хоккейного поля, но даже его наполняло большое количество жизни, и это было для меня удивительно. Мы вышли из леса и попали на ровную прогулочную площадку, отделанную камнем и тротуарной плиткой. По периметру ее окружали лавочки и уличные фонари. Через несколько шагов нам открылся вид на пляж, втиснутый меж двух могущественных горных насыпей. Спуск к нему обеспечивала тяжелая бетонная лестница, рядом с которой и оставался старик. Я огляделся по сторонам. Слева стояла небольшая каменная беседка с видом на пристань. Справа располагались дома, отели и развлекательные заведения с табличками

«Закрыто». Шум моря действовал успокаивающе, и я уже стал растворяться в убаюкивающем гуле, как вдруг услышал резкий голос старика, который извлек меня из глубины размышлений.

– Все так же, как и всегда, и это греет мне сердце. Кому-то всегда подавай новые виды и эмоции, а я уже сорок лет к ряду почти каждый день прихожу на это место в надежде на то, что все останется на своих местах, – он хрипло вздохнул, – и, слава богу, все так и остается. Наверное, это и есть любовь к дому.

Он посмотрел на меня, и по его взгляду было ясно – он считал, что я не понимаю смысла его слов. Хотя в действительности я проникся этими словами и много позже, спустя годы, вспоминал их, задумываясь о том, что же для меня является настоящим домом. Старик присел на первую ступеньку и задумчиво взгляделся в горизонт.

– Давным-давно, лет пятнадцать назад, наш городок посетил человек, чем-то похожий на тебя: молодой, симпатичный, явно не из этих мест. Обычный проходимец – одиночка, отшельник, чертов путешественник автостопом, без каких-либо причин здесь находиться. Он поселился в отеле у Лики, она приняла его без лишних вопросов, попросту войдя в его положение. Отсюда кстати видно ее отель, вон там – бежевый замок с высокой крышей, – старик указал большим пальцем позади себя, но не оторвал взгляда от горизонта. Я тоже не стал оборачиваться, а он продолжал. – Время для туристов было совсем скудное, и он, так или иначе, нашел бы пристанище у любого, кто имел лишнюю комнату. У парня не было денег, но было другое преимущество – сильное обаяние. Мне казалось, что его улыбка наполняла карманы людей золотом – так уж они были рады помочь бедолаге во всех его просьбах. Справедливости ради, скажу, что и сам парень был довольно отзывчивым. Он периодически отработывал проживание, помогая местным по хозяйству или разгружая ящики с фруктами на рынке. Но это была уловка, которая подкупала своей бескорыстной основой. Он мог поговорить с человеком по душам пять минут, и тот угощал его ужином, подвозил до большого города и обратно, или даже приглашал домой посмотреть телевизор и выпить по бокалу вина. В общем, жизнь здесь не давалась ему с большой сложностью. Так прошел месяц, и к парню все уже начали привыкать, как вдруг случилось то, ради чего я рассказываю эту историю, – старик достал из кармана жилетки одну сигарету и, чиркнув спичкой, выпустил клуб густого дыма. – Седьмое марта прописано багровым цветом в календарях местных жителей. В тот день он так же, как и ты сегодня, зашел в шашлычную к Гафу. Я сидел на том же месте и пил свое любимое пиво. По утрам я люблю приложиться, но позже не прикасаюсь к алкоголю. Так вот, он зашел и расположился за одним из столиков. Гаф подошел к нему, и они долго разговаривали – парень поведал очередную уморительную историю, поделился новостями об отце Кэт, за которым ухаживал и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.